This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

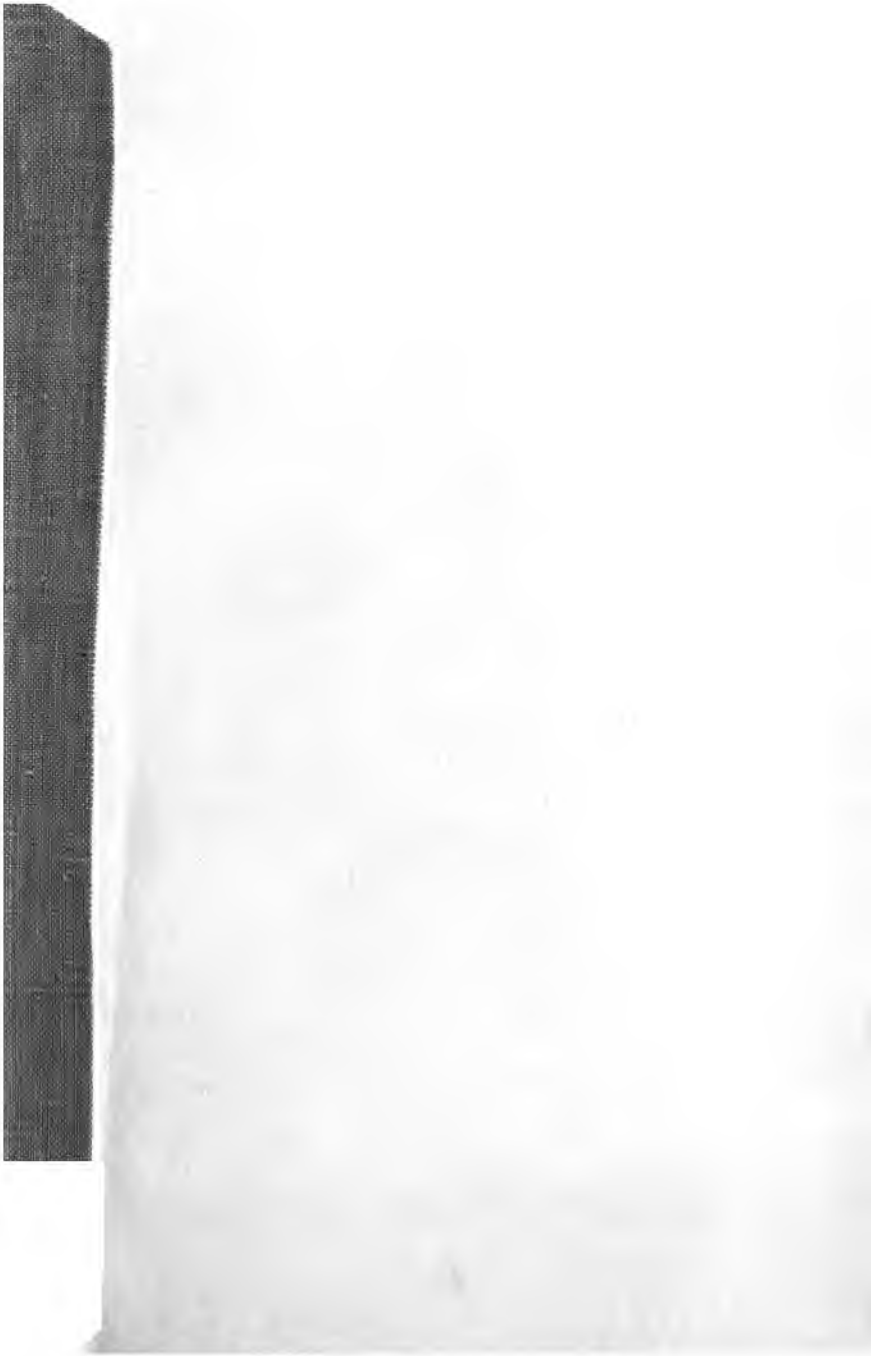
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
264.2
P6K6
KOROLENKO
SOROCHINSKAIA TRAGEDIIA:

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Владиміръ Короленко.

Сорочинская трагедія

(по даннымъ судебнаго разслѣдованія).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	5— 8
ГЛАВА I. Сорочинцы и Устивица	9—17
ГЛАВА II. Кривая Руда. Эпидемія насилій	18—25
ГЛАВА III. Открытое письмо Статскому совѣтнику Филонову.	26—41
ГЛАВА IV. Чего я добивался своимъ открытымъ письмомъ.	42—49
ГЛАВА V. Слабые проблески.	50—55
ГЛАВА VI. Убійство Филонова и его обстановка.	56—61
ГЛАВА VII. Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко	62—73
ГЛАВА VIII. Отвѣтъ клеветникамъ	74—78
ГЛАВА IX. Заключеніе	79—82

СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ

(по даннымъ судебнаго разслѣдованія)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ декабрѣ 1905 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ и Устивицѣ (Полтавской губ.) произошли событія, вызвавшія извѣстную „карательную экспедицію" ст. сов. Филонова.

12 января 1906 г. я помѣстилъ въ газетѣ „Полтавщина" открытое письмо, въ которомъ, разсказавъ о беззаконныхъ жестокостяхъ и массовыхъ истязаніяхъ, допущенныхъ этимъ чиновникомъ, взывалъ къ суду—надъ нимъ или надо мною.

18 января, вернувшись изъ другой подобной-же экспедиціи, Филоновъ былъ убитъ въ гор. Полтавѣ. Убійца скрылся.

Въ самый день похоронъ Филонова мѣстная полу-оффиціозная газета „Полтавскій Вѣстникъ" помѣстила отъ имени покойнаго „посмертное письмо писателю Короленко". Письмо это, уже

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Владиміръ Короленко.

Сорочинская трагедія

(по даннымъ судебнаго разслѣдованія).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Кловукова. Лиговская ул., д. № 34.
1907.

DK 266.2
P6 K6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	5— 8
ГЛАВА I. Сорочинцы и Устивица	9—17
ГЛАВА II. Кривая Руда. Эпидемія насилій	18—25
ГЛАВА III. Открытое письмо Статскому совѣтнику Филонову.	26—41
ГЛАВА IV. Чего я добивался своимъ открытымъ письмомъ.	42—49
ГЛАВА V. Слабые проблески.	50—55
ГЛАВА VI. Убійство Филонова и его обстановка.	56—61
ГЛАВА VII. Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко	62—73
ГЛАВА VIII. Отвѣтъ клеветникамъ	74—78
ГЛАВА IX. Заключеніе	79—82

меня кампаніи. Быть можетъ, именно потому, что результаты судебнаго разслѣдованія легко было предвидѣть,—газеты извѣстнаго лагеря постарались широко использовать время до рѣшенія суда. Потокъ инсинуацій разливался все шире. Клевета проникла, наконецъ, на столбцы министерскаго органа „Россія“ и была повторена г-мъ Шульгинымъ съ высоты депутатской трибуны.

Теперь слѣдствіе закончено, и самое дѣло прекращено, такъ какъ *изложенные мною факты подтвердились*. Съ этимъ провѣреннымъ матеріаломъ въ рукахъ я имѣю теперь возможность отвѣтить на клевету.

Впрочемъ, если бы дѣло шло только обо мнѣ лично, то, вѣроятно, я пригласилъ бы моихъ противниковъ поддержать ихъ обвиненія противъ меня тѣмъ же судебнымъ порядкомъ, какимъ я поддерживалъ свои—по отношенію къ „филоновской экспедиціи“. При этомъ мнѣ представлялся широкій выборъ противниковъ,—начиная съ министерскаго органа и кончая „Полтавскимъ Вѣстникомъ“, открывшимъ кампанію подложнымъ письмомъ.

Но я считаю, что значеніе „сорочинской трагедіи“ гораздо шире личнаго вопроса и даже вопросовъ мѣстныхъ. Это—типичная „карательная экспедиція“, освѣщенная теперь съ начала и до конца, со всѣми характерными чертами этого явленія нашихъ „конституціонныхъ дней“. Роль администраціи, суда, оффиціозной и незави-

и тогда внушавшее большія сомнѣнія въ своей подлинности,—открыло обширную и ожесточенную газетную кампанію, цѣлью которой было—во-первыхъ подорвать довѣріе къ правдивости сообщенныхъ мною фактовъ, а вовторыхъ возбудить въ читателяхъ сомнѣніе въ прямотѣ и искренности моего призыва къ правосудію, который выставлялся, какъ сознательное подстрекательство къ террористическому убійству.

Въ газетѣ „Полтавщина", а затѣмъ въ „Русскомъ Богатствѣ" (январь 1906) я отвѣтилъ на эти инсинуаціи краткимъ заявленіемъ. Глубоко сожалѣя о томъ, что начатая мною гласная тяжба съ безчеловѣчными по формѣ и размѣрамъ административными репрессіями, прервана вмѣшательствомъ, котораго я не могъ ни предвидѣть, ни, тѣмъ болѣе, желать,—я выражалъ надежду, что и теперь ничто не помѣшаетъ полтавской администраціи потребовать у меня на судѣ доказательствъ правдивости всего, мною сказаннаго, къ чему я совершенно готовъ...

Вскорѣ стало извѣстно, что противъ писателя Короленко и редактора „Полтавщины" Д. О. Ярошевича возбуждается преслѣдованіе по п. 6 гл. 5 отдѣла III-го временныхъ правилъ о печати. Тогда, съ своей стороны, я прекратилъ всякую полемику по этому предмету, въ ожиданіи компетентной провѣрки фактовъ, въ результатахъ которой я не имѣлъ основаній сомнѣваться.

Это соображеніе не остановило начатой противъ

I.

Сорочинцы и Устивица.

Все это случилось черезъ мѣсяцъ послѣ манифеста 17 октября 1905 г.

Въ Россіи долго будутъ помнить это время.

Въ разгаръ общей забастовки, среди волненій, закипавшихъ по всей странѣ, манифестъ провозглашалъ новыя начала жизни и во имя ихъ призывалъ страну къ успокоенію. Въ запискѣ гр. Витте, приложенной къ манифесту по высочайшему повелѣнію, говорилось между прочимъ, что «волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо... только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, глубже». Они въ томъ, что «Россія переросла формы существующаго строя».

Дальше говорилось о необходимости полной *искренности* въ проведеніи новыхъ началъ, а властямъ предстояло сообразовать съ ними свои дѣйствія.

Отсюда вытекали, разумѣется, неизбѣжныя послѣдствія: такъ какъ вина въ волненіяхъ, происходящихъ въ обществѣ, «переросшемъ формы существующаго

симой печати въ этомъ эпизодѣ до такой степени поучительны, что ими совершенно поглощаются частные вопросы личнаго порядка.

Поэтому я и рѣшилъ развернуть передъ обществомъ всю эту картину, какъ она рисуется теперь на основаніи оффиціально провѣреннаго матеріала.

При этомъ читатели могутъ судить попутно и о томъ, имѣли ли писатель Короленко и независимая полтавская печать *право* и даже *обязанность* напечатать „открытое письмо“ съ призывомъ къ суду, и на чьей сторонѣ были не только право и правда, но и самая строгая „законность“.

(прославленныхъ нѣкогда веселыми разсказами Гоголя) и въ сосѣдней Устивицѣ.

Въ мѣстной газетѣ были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ *). Въ первой корреспонденціи сообщалось, что въ ночь на воскресеніе, 18 декабря въ Сорочинцахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. «Въ отвѣтъ на это,—продолжаетъ корреспондентъ,—19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ арестованъ при волостномъ правленіи сорочинскій приставъ. Крестьяне думали такимъ образомъ—ускорить освобожденіе Безвиконнаго». Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Въ Полтавской губерніи подобныя вспышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человѣкъ, двинулась къ тюрьмѣ. Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа росла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, «обнадеживъ его милостью высшаго начальства», которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ

*) „Полтавщина", №№ 310 и 314.

строя», признавалась по меньшей мѣрѣ двусторонней, то и мѣры успокоенія должны быть тоже двусторонни. Передъ властью лежала сложная и отвѣтственная задача: съ одной стороны, она не могла, конечно, допустить насилій, погромовъ и захватовъ, но съ другой— должна была показать, что сила власти направлена только на поддержаніе закона и регулируется закономъ. Старые пріемы произвола, административныхъ усмотрѣній и безотвѣтственности должны были отойти въ прошлое. Только изъ пріемовъ самой власти общество и народъ могли увидѣть, что обѣщанія манифеста не одни слова, что они входятъ въ жизнь, какъ дѣйствующая уже и живая сила...

Этихъ простыхъ и обще-признанныхъ положеній, заштемпелеванныхъ и даже высочайше утвержденныхъ, совершенно достаточно для освѣщенія описываемыхъ мною событій. Мѣстная независимая печать стояла въ Филоновскомъ дѣлѣ именно на этой точкѣ зрѣнія...

Къ сожалѣнію, тѣ, для которыхъ она, повидимому, являлась наиболѣе обязательной, — были совершенно не подготовлены къ ея пониманію. Отсюда сорочинская трагедія. Отсюда и много другихъ трагедій, которыя переживала и еще переживетъ наша страна, «переросшая формы своего существованія», которыя, однако, продолжаютъ давить ее съ прежнею силой...

23 декабря 1905 года я вернулся изъ Петербурга въ Полтаву.

Въ городѣ въ это время разсказывали ужасы о мрачной драмѣ, разыгравшейся въ мѣст. Сорочинцахъ

(прославленныхъ нѣкогда веселыми разсказами Гоголя) и въ сосѣдней Устивицѣ.

Въ мѣстной газетѣ были помѣщены извѣстія объ этихъ событіяхъ *). Въ первой корреспонденціи сообщалось, что въ ночь на воскресеніе, 18 декабря въ Сорочинцахъ былъ арестованъ (въ административномъ порядкѣ) мѣстный житель Григорій Безвиконный. «Въ отвѣтъ на это,—продолжаетъ корреспондентъ,—19 декабря, съ общаго согласія крестьянъ, былъ арестованъ при волостномъ правленіи сорочинскій приставъ. Крестьяне думали такимъ образомъ—ускорить освобожденіе Безвиконнаго». Вслѣдъ за приставомъ арестовали и урядника Котляревскаго.

Въ Полтавской губерніи подобныя вспышки были уже въ другихъ уѣздахъ, при чемъ, повидимому, толпа была особенно чутка къ арестамъ въ административномъ порядкѣ лицъ, читавшихъ и объяснявшихъ манифестъ народу. Такъ, въ гор. Зеньковѣ послѣ ареста такого толкователя Никольскаго, толпа, около 2 тысячъ человѣкъ, двинулась къ тюрьмѣ. Стражники стрѣляли, но это не помогло. Толпа росла, увеличиваясь пришельцами изъ деревень. На слѣдующій день прибылъ освобожденный Никольскій и успокоилъ народъ, «обнадеживъ его милостью высшаго начальства», которое (по его словамъ) не оставитъ безнаказаннымъ опрометчивый поступокъ исправника, повлекшій за собой кровавыя жертвы... Толпа разошлась, при чемъ ни грабежей, ни другихъ

*) „Полтавщина", №№ 310 и 314.

безпорядковъ больше не было, и столкновеніе р
рѣшилось на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ
счастій *).

14 декабря такое же волненіе было вызвано
Лохвицѣ административнымъ арестомъ мѣстнаго ж
теля И. П. Бедро. Толпа арестовала помощни
исправника и повела его къ волости. Отрядъ др
гунъ освободилъ его, и въ толпу было дано т
залпа. Оказались раненые, въ томъ числѣ трое
жело **).

Въ мѣстечкѣ Ковалевкѣ (Пирятинскаго уѣзда)
кое же впечатлѣніе произвелъ арестъ крестьяни
Оправхата...

Очевидно, народъ «слишкомъ непосредственн
принималъ обѣщанія манифеста о «неприкоснове
ности личности» и, «отвѣтственности лишь по суду
считая эти обѣщанія уже вошедшими въ силу. Меж
тѣмъ, администрація, особенно уѣздная, не жела
отказаться отъ привычныхъ способовъ дѣйствій. П
нятно, что всякая возбуждающая агитація на эт
почвѣ встрѣчала въ народѣ воспріимчивое и отзы
чивое настроеніе.

Какое значеніе имѣлъ этотъ арестъ для дал
нѣйшихъ событій,—лучше всего можно судить и
показаній полицейскихъ, которыхъ въ этомъ случ
нельзя заподозрить въ тенденціозности. Приставъ Як
бовичъ въ своемъ показаніи, воспроизведенномъ

*) Полтавщина, 20 декабря 1905 года, № 307 (Корресп. и
Зенькова).

**) Полтавщина, № 308 (Корресп. изъ Лохвицы).

газетѣ «Полтавскій Вѣстникъ» *), говоритъ, что ему кричали: «Мы знаемъ теперь, зачѣмъ существуетъ полиція. Чтобы красть людей». Еще опредѣленнѣе свидѣтельство другого полицейскаго, урядника Котляревскаго, претерпѣвшаго плѣнъ вмѣстѣ съ приставомъ. «Обсуждая событія 19 декабря,—простодушно и мѣтко говоритъ этотъ очевидецъ,—я долженъ сказать, что въ мѣстечкѣ Сорочинцы сравнительно все было спокойно, и начались волненія съ введенія усиленной охраны, когда появились слухи о производившихся арестахъ». Самъ Безвиконный, по словамъ Котляревскаго, не пользовался особенной популярностью. Но его арестъ послужилъ всетаки «предлогомъ для начала смуты».

Народнымъ настроеніемъ воспользовался невѣдомый заѣзжій «ораторъ Николай». Уже 16-го числа онъ появился въ Сорочинцахъ и говорилъ рѣчи передъ толпой. Все это однако держалось въ извѣстныхъ предѣлахъ, довольно обычныхъ для того времени. Съ арестомъ Безвиконнаго настроеніе толпы рѣзко поднялось. Арестовали пристава, звонили въ набатъ, собирались съ дрекольемъ. «Ораторъ» указывалъ на примѣры, когда народу удавалось добиться освобожденія административно арестованныхъ...

19 декабря, т. е. на слѣдующій день послѣ ареста пристава, часовъ въ 11 утра въ мѣстечко прискакалъ изъ Миргорода помощникъ исправника Барабашъ съ сотней казаковъ. Населеніе собралось по набату на

*) „Полтавскій Вѣстникъ", 5 февраля 1906 г., № 972.

площадь; многіе были вооружены вилами, косами, дрючками и т. д. «Ораторъ Николай» былъ тутъ же. Барабашъ просилъ крестьянъ пропустить его къ приставу. Крестьяне согласились на это и проводили Барабаша къ «плѣннику», но на требованіе освободить пристава отвѣтили отказомъ, требуя въ свою очередь предварительнаго освобожденія Безвиконнаго. Барабашъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ самое худшее, что только могъ сдѣлать: послѣ переговоровъ онъ сначала уѣхалъ съ своимъ отрядомъ, а потомъ вновь вернулся къ торжествующей и ободренной этимъ отступленіемъ толпѣ. Здѣсь во время новыхъ переговоровъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій инцидентъ. Какая-то женщина ткнула длинной палкой въ морду коня начальника отряда, полковника Бородина. Ее застрѣлилъ казачій урядникъ К. *). Можно предполагать съ большой вѣроятностью, что именно этотъ выстрѣлъ, раздавшійся среди страшнаго напряженія еще до сигнальнаго рожка (когда полк. Бородинъ «уговаривалъ толпу») и убившій женщину,—послужилъ сигналомъ для послѣдовавшей за нимъ свалки, которая разразилась стихійно и ужасно. На мѣстѣ остались смертельно раненый Барабашъ и 8 человѣкъ сорочинскихъ жителей; 12 другихъ были тяжело ранены и убиты въ разныхъ мѣстахъ, на дворахъ и улицахъ мѣстечка.

*) Листъ моего дѣла 50 и послѣдующіе. На полковника Бородина этотъ случай произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ. Передаютъ, что ему все чутится убитая баба...

На другой день (то есть 20 декабря),—по словамъ того же урядника Котляревскаго,– *«все уже было спокойно»*. Въ переполненной больницѣ подавали помощь раненымъ. Барабашъ и нѣсколько сорочинскихъ жителей умерли. Возбужденіе предшествующихъ дней сразу упало. Наступила полная реакція.

Это былъ критическій моментъ всего дѣла, мертвая точка, съ которой оно могло направиться по новому пути, намѣченному манифестомъ, или ринуться по старому въ глубину административнаго произвола. За дни возбужденія и волненій, корни которыхъ тоже вѣдь надо было искать «глубже организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій»,—мѣстечко заплатило уже тяжкой, кровавой цѣной. Теперь только судъ могъ съ достаточнымъ авторитетомъ разобраться въ первомъ дѣйствіи этой трагедіи, отъ которой погибъ Барабашъ, но погибло также двадцать сорочинскихъ жителей, не говоря о раненыхъ...

Если-бы обѣщанія манифеста искренно признавались не отвлеченными разсужденіями, а живой и дѣйствующей силой, съ которой «администрація должна сообразовать свои дѣйствія», то, конечно, судъ вступилъ бы со своимъ вмѣшательствомъ тотчасъ послѣ «усмиренія»...

Вышло не такъ. Полтавская администрація еще разъ взяла на себя старую роль судьи въ дѣлѣ, въ которомъ, по самымъ элементарнымъ представленіямъ, она, съ момента усмиренія должна была явиться уже только стороной,—обвиняющей и, можетъ быть, защищающейся противъ обвиненій...

Отъ старыхъ привычекъ отказываться трудно, особенно, когда нѣтъ къ тому и особаго желанія...

Наступало, роковымъ образомъ, второе дѣйствіе сорочинской драмы...

Въ мѣстечко былъ командированъ Ф. В. Филоновъ, старшій совѣтникъ губернскаго правленія, въ распоряженіе котораго данъ отрядъ казаковъ, съ двумя пушками. Отрядъ вступилъ въ Сорочинцы 21-го декабря, и уже въ ночь на 22-е были безпрепятственно произведены аресты такъ называемыхъ «зачинщиковъ».

Тѣмъ не менѣе 22-го, по приказанію Филонова, казаки согнали безъ разбора на площадь передъ волостью причастныхъ и непричастныхъ къ событіямъ жителей. Здѣсь Филоновъ поставилъ всю тысячную толпу на колѣни въ снѣгъ... Толпа покорно встала, что уже само по себѣ даетъ яркое доказательство отсутствія всякаго бунта. Тѣмъ не менѣе, Филоновъ продержалъ ее въ этомъ положеніи по самымъ умѣреннымъ показаніямъ (казачьихъ эсауловъ и полицейскихъ) не менѣе 3 часовъ,—что уже само по себѣ составляетъ истязаніе... На этомъ фонѣ производились и другія дѣйствія, подробно описанныя въ моемъ «Открытомъ письмѣ».

На слѣдующій день, 23-го отрядъ выступилъ въ Устивицу, куда перенесъ ту-же грозу, несмотря на то, что тамъ не было никакихъ насилій, никого не арестовали и не убивали, а только самовольно закрыли винную лавку.

Все происшедшее было оглашено въ газетѣ «Полтавщина» въ номерахъ, вышедшихъ 23 и 30 декабря...

Таковы были событія,—чудовищные и какъ всегда еще преувеличенные разсказы о которыхъ я засталъ, вернувшись въ Полтаву передъ самымъ Рождествомъ 1905 года. По этому поводу ко мнѣ, какъ къ одному изъ замѣтныхъ работниковъ печати, присылали письма, являлись лично возмущенные, взволнованные, негодующіе люди, съ требованіями о болѣе энергичномъ вмѣшательствѣ независимой прессы.

Упрекаю себя въ томъ, что я нѣкоторое время медлилъ. У меня была своя спѣшная работа. Я считалъ, что многое въ этихъ разсказахъ преувеличено, и не могъ взяться за это дѣло безъ тщательной провѣрки. Наконецъ—въ печати были уже оглашены всѣ факты. Земскій начальникъ (Данилевскій) официально докладывалъ о нихъ губернатору (кн. Урусову)... Почетный мировой судья Лукьяновичъ, имѣніе котораго находится по сосѣдству съ Устивицей, 31 декабря послалъ подробное оффиціальное сообщеніе прокурору полтавскаго окружного суда... Трудно было думать, что и послѣ этого никто не удержитъ дальнѣйшихъ жестокостей..

Никто не удержалъ ихъ, и вскорѣ изъ уѣздовъ стали приходить извѣстія самаго тревожнаго свойства. Въ селѣ Кривая Руда, въ *которой не было уже никакихъ безпорядковъ*, Филоновъ произвелъ погромъ показывавшій, что военный отрядъ отданъ, повидимому, въ распоряженіе человѣка, одержимаго какими-то болѣзненными приступами непонятной жестокости...

II.

Кривая Руда. Эпидемія насилій.

На этотъ разъ погромъ былъ вызванъ забастовкой на хуторѣ земскаго нач. Надервеля. Отправляясь туда, Филоновъ распорядился, чтобы староста *села Кривой Руды*, черезъ которую только лежалъ путь на хуторъ земскаго начальника, заготовилъ (безплатно) обѣдъ для казачьяго отряда и созвалъ полный сходъ. Жители Кривой Руды, не допускавшіе въ своемъ селѣ никакихъ беззаконій, считали и себя, въ свою очередь, состоящими подъ охраной законовъ и потому отказали старшинѣ въ безплатной выдачѣ припасовъ, а сходъ, собравшись въ полномъ составѣ, ждалъ съ утра до 8 часовъ вечера. Видя, что отряда нѣтъ, старшина счелъ себя въ правѣ распустить усталыхъ и озябшихъ людей по домамъ.

Этого для Филонова было достаточно, чтобы повторить въ мирномъ селѣ все то, что онъ произвелъ въ Сорочинцахъ, гдѣ всетаки было ранѣе вооруженное столкновеніе. Пріѣхавъ вечеромъ, онъ прежде всего

потребовалъ къ себѣ старшину, сорвалъ съ него знакъ, избилъ палкой по лицу, затѣмъ принялся за писарей, которыхъ таскалъ за бороды изъ одного конца комнаты въ другой. Среди холода и темноты наскоро былъ согнанъ сходъ изъ 200—300 человѣкъ, ничего не понимавшихъ и ни къ какимъ забастовкамъ непричастныхъ («многіе изъ попавшихъ на этотъ сходъ сами имѣютъ годовыхъ рабочихъ,» — прибавляетъ корреспондентъ). Выйдя на крыльцо, Филоновъ закричалъ: «Шапки долой, на колѣни, мерзавцы! Выдавай виновныхъ!» Толпѣ не было объяснено даже, кто виновенъ, и въ чемъ виновенъ, и кого слѣдуетъ выдавать... Въ это время казаки привели къ крыльцу отставного земскаго фельдшера Багно. Увидавъ его, Филоновъ закричалъ: «Долой шубу». Съ больного старика сорвали шубу, закатили пиджакъ, два казака нагнули за волосы и за бороду, а два начали бить, пока онъ свалился на землю. Послѣ этого его заперли въ арестантскую и принялись за толпу по очереди. «Выбирать не выбирали, а просто били по порядку, кто ближе стоялъ на колѣняхъ»...

Тогда, подъ вліяніемъ ужаса (все это, напомнимъ, происходило въ темнотѣ и среди полнаго недоумѣнія о причинахъ нападенія), кто-то въ толпѣ поднялся, чтобы бѣжать. Толпа послѣдовала этому примѣру... Люди побѣжали въ безпорядкѣ. Казачій эсаулъ крикнулъ: «руби!» «Никто не успѣлъ опомниться— все смѣшалось. Каждый видѣлъ передъ собою только смерть. Ночь безлунная, хотя и звѣздная, наводила еще большій ужасъ, на души суевѣрныхъ беззащит-

ныхъ крестьянъ... Бѣжали прямо подъ шашки, топча и давя другъ друга» *)...

Къ этой картинѣ, которой мнѣ приходится дополнить свое «письмо», прилагаемое ниже, считаю необходимымъ прибавить здѣсь же слѣдующую оговорку: она заимствована мною изъ корреспонденціи газеты «Полтавщина», напечатанной долго спустя **), такъ какъ редакція подвергла ее предварительно самой тщательной провѣркѣ. По этому поводу губернаторъ, князь Урусовъ (къ сожалѣнію слишкомъ поздно) командировалъ чиновника, г-на Устимовича, для провѣрки газетныхъ свѣдѣній о дѣяніяхъ своего «старшаго совѣтника», а вѣроятно также на предметъ возбужденія новаго дѣла противъ газеты. Но г. Устимовичъ счелъ своей обязанностью сдѣлать правдивый докладъ, *подтвердившій свѣдѣнія, сообщенныя корреспондентомъ*. Въ пріобщеніи къ моему дѣлу этого доклада мнѣ было отказано, но самый фактъ командировки и ея результатовъ установленъ показаніемъ старшаго совѣтника губернскаго правленія г. Ахшарумова, который, — правда въ очень смягченной формѣ, — призналъ въ своемъ показаніи по моему дѣлу, что дознаніе Устимовича дѣйствительно было и что Филоновъ «при исполненіи служебныхъ обязанностей, примѣнялъ по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ репрессивныя мѣры, граничащія съ физиче-

*) Изувѣченныхъ и раненыхъ оказалось, по словамъ корреспондента, болѣе 40 человѣкъ (22-мъ была оказана медицинская помощь).

**) Въ апрѣлѣ 1906, № 23, уже послѣ смерти Филонова.

скимъ воздѣйствіемъ, *почему судебнаго преслѣдованія противъ газеты за означенную корреспонденцію возбуждено не было»* *)...

«Мѣры, граничащія съ физическимъ воздѣйствіемъ»—это, конечно, выраженіе очень изящное, въ чисто канцелярскомъ стилѣ, но за то окончаніе изящной фразы вполнѣ опредѣленно: газета не была привлечена къ отвѣтственности, не смотря на всю готовность администраціи, потому что ея свѣдѣнія подтвердились. А она говорила не о мѣрахъ, «граничащихъ съ воздѣйствіемъ», а о такихъ мѣрахъ, которыя далеко перешли границу, отдѣляющую простыя «воздѣйствія» отъ *истязаній*, и примѣнялись къ мирнымъ жителямъ, ничѣмъ, съ своей стороны, не нарушившимъ существующихъ законовъ. .

Была еще причина, побудившая меня взяться за перо: жестокость Филонова заражала подчиненныхъ и переходила въ какую-то эпидемію.

Еще Петръ Великій на своемъ образномъ языкѣ указывалъ послѣдствія того, «когда начальствующій сойдетъ съ фарватера» правды и закона. «Первѣе всего станетъ тщиться всю коллегію въ свой фарватеръ сводить... А видя то, подчиненные въ какой роспускъ впадутъ».

Этотъ «роспускъ» уже ширился по губерніи. Почетный мировой судья Лукьяновичъ сообщалъ прокурору о появленіи въ его усадьбѣ какой-то пьяной

---

*) Показанія по моему дѣлу старш. сов. губ. правленія Ахшарумова. Листъ 247 и слѣд.

банды, которая, безъ всякихъ законныхъ полномочій, начинала рыскать по хуторамъ, чтобы хватать неблагонадежныхъ, а вѣрнѣе, конечно,—сводить свои счеты... Изъ Хорольскаго уѣзда газетѣ «Полтавщина» сообщали, что, послѣ «усмиренія» на хуторѣ Дубовомъ, исправникъ для производства дознанія собралъ жителей и крикнулъ: «На колѣни, крамольники»! «Крамольники» стояли въ лужѣ, но, окруженные казаками, стали на колѣни въ ледяную воду и простояли два часа. «Крамолу изгнали, — прибавляетъ корреспондентъ, а ревматизмовъ пріобрѣтено не мало» *).

Такія извѣстія приходили изъ разныхъ мѣстъ. Одни слухи о приближеніи филоновскаго отряда вызывали панику, которую ярко рисуютъ нѣкоторые свидѣтели по моему дѣлу.

«Я наблюдала картину настоящей паники,—говоритъ, напримѣръ, устивицкая учительница Крапивина **).—Люди куда-то шли изъ центра мѣстечка и вели съ собой дѣтей. Шли оторванныя отъ предпраздничной работы женщины, запачканныя въ мѣлъ, такъ какъ онѣ мазали хаты».

Другой свидѣтель, случайно гостившій въ Устивицѣ, даетъ картину первыхъ моментовъ послѣ занятія отрядомъ села: «Одинъ ожидаемый пріѣздъ отряда нагналъ на народъ панику. Многіе съ уѣзда (пріѣзжіе?) принялись убѣгать даже съ дѣтьми, куда глаза глядятъ. Были такіе, что прятались въ лѣсу или въ

*) „Полтавщина“, 1906 г., № 8.

**) Листъ моего дѣла 209.

сосѣднихъ селеніяхъ». На улицѣ ему попались два казака, которые гнали какого то старика (на сходъ), подгоняя его нагайками. Взобравшись (вѣроятно, для безопасности) на колокольню, онъ «хорошо видѣлъ, что казаки (нѣсколько человѣкъ) бѣгаютъ по улицамъ, по дворамъ и гоняются за какими-то людьми, не то мужчинами, не то женщинами»...

«Одна мѣстная жительница, красивая, молодая женщина, еле отдѣлалась отъ любезностей гонявшихся за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла» *).

Вотъ во что, подъ вліяніемъ «старшаго совѣтника», «уклонившагося съ фарватера закона», превращались отряды, назначенные для возстановленія закона и «спокойнаго довѣрія къ власти»... И не было видно такой законом'ѣрной власти, которая бы пожелала и смогла положить этому предѣлъ и напомнить объ отвѣтственности «не однихъ обывателей, но и должностныхъ лицъ».

Администрація, повидимому, не желала.

Судъ, вѣроятно, не могъ...

Оставалась печать, и я чувствовалъ угрызенія совѣсти, что не сдѣлалъ ничего тотчасъ же по полученіи извѣстій о сорочинской катастрофѣ. Я надѣялся на послѣдствія фактическихъ газетныхъ корреспонденцій и на оффиціальныя сообщенія почетнаго мироваго судьи. Но за ними послѣдовали только

*) Листъ моего дѣла 178. Показаніе ученика духовнаго училища Кремянскаго.

истязанія ни въ чемъ неповинныхъ криворудскихъ жителей. Очевидно, нужно было сказать что-нибудь болѣе яркое и болѣе сильное, чѣмъ фактическія корреспонденціи провинціальной газеты.

При данныхъ обстоятельствахъ эта задача явно ложилась именно на меня и, послѣ извѣстій о Кривой Рудѣ, я уже не могъ думать ни о какихъ другихъ работахъ.

Разумѣется, наиболѣе благодарнымъ матеріаломъ для ея исполненія являлся криворудскій эпизодъ, не осложненный никакими «безпорядками», гдѣ *явное беззаконіе, съ начала и до конца, было на одной только сторонѣ*. Но это требовало, разумѣется, новой тщательной провѣрки, а дни уходили, разнося ужасъ и панику, подавляя всякія надежды на законный исходъ, принося, быть можетъ, новыя экспедиціи и новыя жестокости.

Въ это именно время въ Полтаву пріѣхали 12 человѣкъ сорочинскихъ жителей, которые сами пожелали дать для печати свѣдѣнія о происшествіяхъ въ ихъ селѣ, принимая отвѣтственность за правильность сообщенія... Я по очереди опросилъ ихъ, записалъ ихъ показанія, сопоставилъ ихъ другъ съ другомъ и исключилъ все, что возбуждало хоть въ комъ-нибудь изъ нихъ сомнѣніе и не подтверждалось двумя-тремя человѣками.

Такъ былъ полученъ матеріалъ для нижеслѣдующаго письма, которое я привожу цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій. Читатель увидитъ, надѣюсь, что картина, въ немъ изображенная, блѣднѣе той, кото-

рая рисуется слѣдственнымъ матеріаломъ... И если при этомъ мнѣ приходится повторять о мертвомъ то, что я писалъ, призывая къ суду живого; если мнѣ придется дополнить картину его дѣйствій новыми подробностями, доставленными запоздалымъ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, то пусть вина въ этомъ падетъ на тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго года, пользуясь моей сдержанностію въ ожиданіи суда,—продолжали извращать факты, извѣстные цѣлому краю, не останавливаясь при этомъ даже передъ подлогами отъ имени покойнаго Филонова.

Истина имѣетъ свои права, и теперь пусть общество судитъ не только о дѣйствіяхъ Филонова, но и о томъ, какими средствами защищали этотъ образъ дѣйствій его живые единомышленники...

III.

Открытое письмо Статскому совѣтнику Филонову*).

Г. статскій совѣтникъ Филоновъ!

«Лично я васъ совсѣмъ не знаю, и вы меня также. Но вы чиновникъ, стяжавшій широкую извѣстность въ нашемъ краѣ походами противъ соотечественниковъ. А я писатель, предлагающій вамъ оглянуться на краткую лѣтопись вашихъ подвиговъ.

«Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

«Въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ происходили собранія и говорились рѣчи. Жители Сорочинецъ, очевидно, полагали, что манифестъ 17 октября далъ имъ право собраній и слова. Да оно, пожалуй, такъ и было: манифестъ дѣйствительно далъ эти права и прибавилъ къ этому, что никто изъ русскихъ гражданъ не можетъ подлежать отвѣтственности иначе, какъ по суду. Онъ провозгласилъ еще участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной и назвалъ все это «незыблемыми основами» новаго строя русской жизни.

*) „Полтавщина". 12 января 1905, № 8. Всѣ примѣчанія, которыми я здѣсь снабжаю текстъ своего письма, взяты изъ слѣдственнаго дѣла о писателѣ В. Г. Короленкѣ и редакторѣ газ. „Полтавщина" Д. О. Ярошевичѣ, привлеченныхъ къ слѣдствію по п. 6., Гл. 5, отд. III временныхъ правилъ о печати. Ссылки не полны. Я отдавалъ предпочтеніе показаніямъ казаковъ, полицейскихъ, священниковъ и должностныхъ лицъ.

«Итакъ, въ этомъ отношеніи жители Сорочинецъ не ошибались. Они не знали только, что, на ряду съ новыми началами, оставлены старыя «временныя правила» и «усиленныя охраны». Правда, администрація приглашалась сообразовать свои дѣйствія съ духомъ новаго основного закона, но... у нея были и старые циркуляры, и новыя внушенія въ духѣ прежняго произвола.

«Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ высшая полтавская администрація колебалась между этими противоположными началами. Въ городѣ и въ губерніи происходили собранія, и народъ жадно ловилъ разъясненія происходящихъ событій. Конечно были при этомъ и рѣзкости, быть можетъ излишнія, среди разныхъ мнѣній и заявленій были и неосновательныя. Но мы привыкли оцѣнивать явленія по широкимъ результатамъ. Фактъ состоитъ въ томъ, что въ самые бурные дни, когда отовсюду неслись вѣсти о погромахъ, убійствахъ, усмиреніяхъ,—въ Полтавѣ ничего подобнаго не было. Не было также тѣхъ рѣзкихъ формъ аграрнаго движенія, которыя вспыхивали въ другихъ мѣстахъ. Многіе, и не безъ основанія, приписывали это, между прочимъ, и сравнительной терпимости, которую проявила высшая полтавская администрація къ свободѣ собраній и слова. Подъ ихъ вліяніемъ стихійныя страсти народа умѣрялись, сознаніе расло, ожиданія вводились въ закономѣрное русло, надежды обращались къ будущимъ закономѣрнымъ учрежденіямъ страны. Казалось, еще немного, и народное мнѣніе сложится и прояснится, какъ проясняется вино послѣ шумнаго и мутнаго броженія. А затѣмъ ему предстояла окончательная переработка въ высшемъ законодательномъ учрежденіи страны...

«Теперь это уже только прошлое. Съ 13 декабря полтавской высшей администраціи угодно было перемѣнить свой образъ дѣйствій. Результаты тоже налицо: въ городѣ дикій казачій погромъ, въ деревнѣ—потоки крови. Вѣра въ значеніе манифеста подорвана, сознательныя стремленія сбиты, стихійныя страсти рвутся наружу, или, что

гораздо хуже—временно вгоняются внутрь, въ видѣ подавленной злобы и мести...

«Зачѣмъ я говорю вамъ все это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ? Я, конечно, хорошо знаю, что всѣ великія начала, провозглашенныя (къ сожалѣнію лишь на словахъ) манифестомъ 17 октября 1905 года, вамъ и не понятны, и органически враждебны. Тѣмъ не менѣе, это уже основной законъ русскаго государства, его «незыблемыя основы». Понимаете-ли вы въ какомъ чудовищно-преступномъ видѣ предстали бы всѣ ваши дѣянія передъ судомъ этихъ началъ?

«Но я буду «умѣренъ»... Я буду болѣе чѣмъ умѣренъ, я буду до излишества уступчивъ... Поэтому, г-нъ статскій совѣтникъ Филоновъ, я примѣню къ вамъ лишь обычныя нормы старыхъ русскихъ законовъ, дѣйствовавшихъ до 17 октября.

«Факты.

«Въ Сорочинцахъ и сосѣдней Устивицѣ происходили собранія безъ формальнаго разрѣшенія. На нихъ говорились рѣчи,—принимались резолюціи. Между прочимъ, постановлено закрыть винныя монополіи. Составлены приговоры и, не ожидая оффиціальнаго разрѣшенія, монополіи закрыли, на дверяхъ повѣсили замки...

«18 декабря, на основаніи усиленной охраны, т. е. въ порядкѣ внѣ-судебномъ, арестованъ одинъ изъ сорочинскихъ жителей, Безвиконный. Односельцы потребовали, чтобы его предали суду, а до суда отдали имъ на поруки. Такія требованія о судебномъ разслѣдованіи, вмѣсто ненавистнаго административнаго усмотрѣнія, — становятся общими, имѣли мѣсто въ разныхъ селахъ и мѣстечкахъ нашей губерніи и сопровождались кое-гдѣ успѣхомъ. Сорочинцамъ было отказано. Тогда они, въ свою очередь, арестовали урядника и пристава.

«19 декабря помощникъ исправника Барабашъ пріѣхалъ въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ. Онъ видѣлся съ арестованными и, какъ говорятъ, уступая ихъ

убѣжденіямъ, обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи Безвиконнаго и отошелъ съ отрядомъ. Но затѣмъ, къ несчастью, онъ остановился на окраинѣ, раздѣлилъ свой отрядъ, сдѣлалъ обходное движеніе, и опять подъѣхалъ къ толпѣ. Произошло роковое столкновеніе, подробности котораго установитъ судъ. Въ результатѣ смертельно раненъ помощникъ исправника, смертельно ранено и убито до 20 сорочинскихъ жителей...

«Извѣстно ли вамъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли эти двадцать человѣкъ? Всѣ они убивали исправника? Нападали? Сопротивлялись? Защищали убійцъ?

«Нѣтъ. Казаки не удовольствовались разсѣяніемъ толпы и освобожденіемъ пристава. Они кинулись за убѣгавшими, догоняли и убивали ихъ. Этого мало: они бросились въ мѣстечко и стали охотиться за жителями, случайно попадавшимися на пути.

«Такъ именно около дома г-на Малинки убитъ сторожъ *Отрешко*, мирно обметавшій снѣгъ около хозяйскаго крыльца *). Такъ *Евстафій Гарковенко* «смыкалъ» для скота сѣно изъ стога, въ своемъ дворѣ, за версту отъ волостного правленія. Казакъ прицѣлился, и раненый Гарковенко упалъ ранѣе, чѣмъ могъ замѣтить злодѣя. Такъ, старикъ аптекарь Фабіанъ *Перевозскій* возвращался съ сыномъ изъ почтоваго отдѣленія. Около дома Орлова ихъ настигъ убійца-казакъ, который застрѣ-

*) Показанія: *свящ. Греченко* (листъ дѣла 215): „Казакъ перегнулся черезъ заборъ и выстрѣлилъ". Показ. *дворянина Малинки* (листъ 245 и слѣд.): Отрешко былъ раненъ подъѣхавшимъ казакомъ изъ-за забора въ то время, какъ онъ былъ во дворѣ". Показаніе *старшины Копитько* (листъ 214), *старосты Повзика* (листъ 216), *урядника Котляревскаю* (листъ 216—217) и др. Интересно указаніе дворянина Малинки, что серія выстрѣловъ, отъ которой между прочимъ погибъ Отрешко раздалась долго спустя послѣ залповъ у волостного пра-

лилъ сына на глазахъ отца. Такъ, Сергѣй Ивановичъ *Ковтунъ* убитъ въ шести саженяхъ отъ своихъ воротъ. Такъ, *женщина*, жена крестьянина *Маковецкаго*, убита въ самыхъ воротахъ. Такъ, у *дѣвушки Келеповой* прострѣлены пулей обѣ щеки *). Я могъ бы вамъ перечислить, при какихъ условіяхъ и гдѣ именно убиты всѣ погибшіе въ Сорочинцахъ, Но я считаю достаточнымъ сказать, что 8 человѣкъ убиты у волостного правленія и въ непосредственной близости, двѣнадцать же пали на улицахъ, у своихъ домовъ и въ глубинѣ дворовъ **)...

«Теперь г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я позволю себѣ спросить: одно ли преступленіе совершено въ Сорочинцахъ 19 декабря, или ихъ совершено много? Думаете ли вы, что драгоцѣнна только кровь людей въ мунди-

---

вленія. Урядникъ Котляревскій слышалъ, что это стрѣляли казаки, возвращавшіеся изъ больницы, куда они отвезли Барабаша.

*) Объ Евстафіи Гарковенко есть показанія, что онъ раненъ не во дворѣ, а на площади. *Ковтунъ* найденъ въ 20 саженяхъ отъ своихъ воротъ (показанія: *урядника Котляревскаго*, листъ 216; *старосты Повзика*, л. 216, *Кіяшко*, л. 217 и слѣд., *старшины Копитько*, л. 214, и др.). *Келепова* не ранена а убита у женской школы, а у *Маковецкой* прострѣлены щеки недалеко отъ ея воротъ (*урядникъ Котляревскій*, кр. *Кіяшко*, староста *Повликъ*, *свящ. Греченко* и др.).

**) Показанія кр. *Кіяшко* (217). На его глазахъ стрѣляли въ женщинъ, убѣгавшихъ по улицѣ. Женщины шли не отъ волости, а иныя стояли у своихъ воротъ. *Анна Сорока* (218) видѣла, какъ казаки стрѣляли въ лежавшую на снѣгу дѣвушку. Въ нее (Сороку) тоже стрѣляли, когда она перебѣгала улицу (далеко отъ волости). *Гриценко* (217) и урядникъ *Котляревскій* (216) слышали, что это дѣлалъ отрядъ, возвращавшійся изъ больницы, куда отвезли Барабаша. Фактъ погони и убійствъ на улицахъ *признанъ и опредѣленіемъ суда по моему дѣлу*.

рахъ, а кровь людей въ свиткахъ и сермягахъ, кровь Отрешка, Гарковенка, Ковтуна, Маковецкой, Келеповой и имъ подобныхъ можно лить безнаказанно, какъ воду? Не кажется ли вамъ, что, если необходимо изслѣдовать, кто и при какихъ обстоятельствахъ убилъ несчастнаго Барабаша, то не менѣе необходимо, чтобы правосудіе занялось и тѣмъ, кто, вооруженный, убивалъ на улицахъ, на дворахъ, въ огородахъ безоружныхъ, простыхъ людей, не нападавшихъ, не сопротивлявшихся, не бывшихъ на мѣстѣ рокового происшествія, не знавшихъ о немъ и умершихъ въ этомъ незнаніи.

«О, да! Мнѣ нѣтъ никакой надобности примѣнять къ этой трагедіи великія начала новаго основного закона... Для этого достаточно любого закона, любой страны, имѣющей хоть самыя несовершенныя понятія о законѣ писанномъ или обычномъ. Отправьтесь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въ страну полудикихъ курдовъ, на родину башибузуковъ. И тамъ любой судья отвѣтитъ вамъ: «У насъ,—скажетъ онъ безъ сомнѣнія,—тоже много вооруженнаго разбоя, опозорившаго нашу страну передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но и наши несовершенные законы признаютъ, что кровь людей въ простой одеждѣ такъ же взываетъ къ правосудію, какъ и кровь убитаго чиновника».

«Рѣшитесь ли вы, открыто и гласно, отрицать это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ?

«Навѣрное—нѣтъ! И, значитъ, мы оба согласны, что представителю власти и закона, отправлявшемуся въ Сорочинцы впервые послѣ трагедіи 19 декабря, предстояла суровая, но и почетная и торжественная роль. Въ это мѣсто, уже охваченное смятеніемъ, печалью и ужасомъ, онъ долженъ былъ внести напоминаніе о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ, справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страсти данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы, но также (замѣтьте это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ), *не допускающемъ и*

мысли о кастовой мести со стороны чиновничества всему населенію...

«Ему предстояло еще показать народу, что прежніе законы въ Россіи не перестали дѣйствовать, но что и гарантіи правосудія, торжественно обѣщанныя царскимъ манифестомъ,—тоже не мертвая буква и не нарушенное обѣщаніе. Но объ этомъ мы уже условились не говорить съ вами, г. статскій совѣтникъ Филоновъ... При томъ же, если бы эта послѣдняя задача имѣлась въ виду, то конечно, ее возложили бы не на васъ.

«Между тѣмъ, къ удивленію многихъ въ Полтавѣ, именно на васъ возложена тяжелая, трудная и почетная роль представителя «законной» власти въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ послѣ 19 декабря.

«Какъ вы ее поняли? И какъ выполнили?

«Факты.

«22 декабря изъ Сорочинецъ увезли тѣло несчастнаго Барабаша, умершаго въ больницѣ. Еще не стихъ печальный перезвонъ церковныхъ колоколовъ, какъ вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, въѣхали въ Сорочинцы во главѣ сотни казаковъ *).

«Были ли въ то время какіе-нибудь признаки возмущенія? Было ли вамъ оказано сопротивленіе? Построили вамъ навстрѣчу баррикады? Собрались съ оружіемъ? Мѣшали вашимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ?

---

*) Не точно: тѣло Барабаша увезено 22-го декабря утромъ. Отрядъ Филонова прибылъ еще наканунѣ, 21-го, и уже въ ночь были произведены аресты. Это показываетъ еще яснѣе, что въ Сорочинцахъ *къ этому времени не было никакихъ признаковъ бунта*, если уже наканунѣ экзекуціи можно было не только арестовывать, но и истязать арестованныхъ. Показаніе старшины Копитько (л. 214 и слѣд.); „21-го, въ 4 ч утра потребованъ Филоновымъ въ волость и видѣлъ тамъ арестованныхъ Готлиба и Герасима Муху. Они были избиты до того, то ихъ трудно было узнать".

«Нѣтъ, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ, которые бы говорили о сопротивленіи и противодѣйствіи.

«Жители были подавлены страшнымъ несчастіемъ 19 декабря, разразившимся надъ ними неожиданно, стихійно и такъ ужасно *). Они понимали, что теперь неизбѣжно вмѣшательство правосудія и, если бы въ село прибылъ судебный слѣдователь, вооруженный только закономъ, то и онъ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. А если бы съ нимъ и были казаки, то они знали бы, что ихъ роль—только охрана должностнаго лица и его законныхъ дѣйствій, а не наказаніе еще не обвиненныхъ людей, не буйство, не истязанія, не насилія, которыя, въ свою очередь, караются закономъ.

«Да, это несомнѣнно было бы такъ, тѣмъ болѣе, что отъ судебной власти жители ждали бы правосудія и для себя, за кровь своихъ близкихъ...

«Но въ Сорочинцы былъ посланъ не судебный слѣдователь, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ (старшій совѣтникъ губернскаго правленія), и на васъ падаетъ вина въ томъ, что вооруженный отрядъ, отданный въ ваше распоряженіе, изъ охранителей силы закона превратился въ его нарушителей и насильниковъ.

«Вы сразу стали поступать въ Сорочинцахъ, какъ въ завоеванной странѣ. Вы велѣли «согнать сходъ» и объявили, что, если сходъ не соберется, то вы разгромите все село, «не оставивъ отъ него и праха» **). Мудрено ли, что послѣ такого приказанія и въ такой формѣ, казаки

*) „На слѣдующій день все было спокойно“ (показаніе урядника).

**) „Филоновъ говорилъ, что навѣрное по мѣстечку придется открыть огонь“ (показаніе подъесаула Ончокова, л. 116 и слѣд.). „Филоновъ объявилъ, что, если бы отрядъ вновь былъ встрѣченъ набатомъ, то мѣстечко могло бы быть сожжено“ (показаніе подъесаула Чернявскаго, л. д. 118).

принялись выгонять жителей по своему. Мудрено ли, что теперь въ селѣ, называя имена, говорятъ о цѣломъ рядѣ вымогательствъ и даже изнасилованій, произведенныхъ отрядомъ, состоявшимъ въ вашемъ распоряженіи **)?

«Для чего же вамъ понадобился этотъ сходъ и какія законныя слѣдственныя дѣйствія производили вы въ его присутствіи?..

«Прежде всего, вы поставили ихъ *всѣхъ на колѣни*, окруживъ казаками съ обнаженными шашками и выставивъ два орудія. Всѣ покорились, стали на колѣни, безъ шапокъ и на снѣгу... Только часа черезъ два вы спохватились, что въ этой колѣнопреклоненной толпѣ есть два георгіевскихъ кавалера. Вы ихъ отпустили. Потомъ отпустили новобранцевъ и малолѣтнихъ. Остальныхъ, подъ угрозой смерти, вы держали, такимъ образомъ, въ теченіе $4^1/_2$ часовъ, даже не подумавъ о томъ, что въ этой беззаконно истязуемой вами толпѣ могутъ быть лица, еще

**) Показанія о грабежахъ въ Сорочинцахъ и Устивицѣ: *урядника Котляревскаго*: многіе, въ особенности евреи, *заявляли мнѣ* объ ограбленіи (л. д. 216—217). Поч. миров. судья *Лукьяновичъ* (со словъ урядника Бокитько, л. д. 124). *Урядникъ Бокитько*: казаки забирались въ частные дома „Мнѣ заявляли, что *они просто грабили*“ (л. 211 и слѣд.); *Кремянскій* (воспит. дух. уч. л. д. 178), „стражникъ Балакшій подтвердилъ, что забирались въ дома и сказалъ: мы сами ихъ отгоняли“. Свящ. *Станиславскій* показалъ, что были грабежи, но приписывалъ ихъ не казакамъ (л. 208). Старшина *Луценко* (Устивица): по приказанію исправника собиралъ заявленія потерпѣвшихъ, но затѣмъ исправникъ приказалъ заявленія уничтожить, а свою (исправника) бумагу вернуть ему обратно (л. 209). Есть еще показаніе старшины Повзика (л. 216), Анны Сороки (грабежъ въ присутствіи пристава, Юровскаго, 219), Герасима Мухи, Авр. Готлиба. Существованіе упорныхъ слуховъ о насиліяхъ надъ женщинами подтверждаетъ Кремянскій, Гриценко (л. 217) Сура Готлибъ (220), Кіяшко (л. 217) и др.

дента вызвали изъ холодной. Едва онъ вышелъ на крыльцо—его толкнули на снѣгъ и избили... Къ счастью, какой-то сердобольный человѣкъ посовѣтовалъ ему предварительно обернуть голову и лицо башлыкомъ *).

«Но и этого всего вамъ показалось недостаточно, и потому, оглядѣвъ толпу, стоявшую на колѣняхъ передъ вашимъ совѣтницкимъ величіемъ, вы вдохновились на новый актъ изысканной жестокости. Вы велѣли евреямъ отдѣлиться отъ православныхъ, поставили ихъ на колѣни отдѣльно и приказали казакамъ бить ихъ всѣхъ, безъ разбора. Вы объяснили это тѣмъ, что «евреи — умны и что они — враги Россіи». Казаки ходили среди колѣнопреклоненной толпы и хлестали направо и налѣво, мужчинъ, подростковъ, сѣдыхъ стариковъ. «Якъ вівчаръ вівці» — (какъ овчаръ овецъ) по картинному выраженію одного изъ очевидцевъ **). А вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, глядѣли на это избіеніе и поощряли бить сильнѣе.

«Г. статскій совѣтникъ Филоновъ! Повѣрьте мнѣ: я

---

*) Эпизодъ со студ. Романовскимъ единогласно подтверждаютъ всѣ свидѣтели казаки, утверждая только, что по головѣ вообще не били.

**) Этотъ фактъ тоже установленъ многочисленными свидѣт. показаніями. Особенно характерны: *подъэсаулъ Овчаковъ* (116—118): „Короленко написалъ неправду, будто били толпу. Дѣйствительно, былъ такой эпизодъ: мѣстные евреи были поставлены отдѣльно на колѣни. Когда Филоновъ подошелъ къ нимъ, и они „загалдѣли", начали вставать съ колѣнъ, то Филоновъ приказалъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ проучить нагайками". То же показали: *подъэсаулъ Чернявскій* (119), *сотникъ Ивановъ* (119) прибавляетъ: „давали 10 –15 ударовъ не болѣе",—„экзекуція была легкая" (!!) *Староста Повзикъ* (216): „всей толпы поголовно казаки не били, а лишь избили выдѣленную толпу евреевъ" Кр. *Кіяшко* (217): „Всей толпы не били, евреевъ же колотили всѣхъ поголовно".

усталъ, излагая только на бумагѣ всѣ беззаконныя истязанія и звѣрства, которымъ вы, подъ видомъ яко бы законныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подвергали безъ разбора жителей Сорочинецъ, не стараясь даже уяснить себѣ, — причастны они, или не причастны къ трагедіи 19 декабря... А между тѣмъ, вы производили все это надъ живыми людьми, и мнѣ предстоитъ еще разсказать, какъ вы отправились на слѣдующій день для новыхъ подвиговъ въ Устивицу... А за вами, какъ за тріумфаторомъ, избитые, истерзанные, изстрадавшіеся, тащились ваши сорочинскіе плѣнники, которымъ мѣсто было только въ больницѣ...

«Такъ ѣхали вы въ Устивицу возстановлять силу закона...

«Въ дальнѣйшемъ я буду кратокъ.

«Что было въ Устивицѣ до вашего появленія? Тамъ не было ни бунта, ни ареста пристава, ни убійства исправника, ни столкновеній. Тамъ только жители постановили приговоръ о закрытіи монополіи и привели его въ исполненіе ранѣе полученія оффиціальнаго разрѣшенія. Замокъ на дверяхъ монополіи одинъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили «самовольно» прекратить у себя пьянство *).

«Они сдѣлали это съ нарушеніемъ законныхъ формъ... Да, это правда. Ну, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, вы—чиновникъ и слуга закона! Сами вы соблюдали «законныя формы» при совершеніи вашего злого дѣла?

«Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за права казенной винной продажи, вы, прежде всего, избили старосту, съ котораго сорвали знакъ и бросили въ

*) Показ. свящ. А. А. Троцыны: жители еще въ октябрѣ ходатайствовали о закрытіи винной лавки. Когда пріѣзжалъ чин. Коноваловъ, они повторили просьбу, и онъ обѣщалъ ходатайствовать (л. 175).

снѣгъ. Затѣмъ вы поколотили писаря, котораго били не только руками, но изломали на немъ счеты, послѣ чего писарь не могъ уже составлять протоколовъ и писать приговоры. Тутъ же избитъ вами Діонисій Ив. Бакало, пришедшій въ правленіе за справками, котораго вы колотили по головѣ «исходящей книгой»... *). Жителей Устивицъ вы такъ же поставили въ снѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и такъ же суду, если

*) Показанія: *старшины Луценко* (л. 209—211): Филоновъ началъ бить людей у чернаго входа въ волость... Досталъ откуда-то простую палку и началъ бить находившихся въ корридорѣ людей. Его (старшину) началъ бить сразу, сорвалъ знакъ, разбилъ губы и велѣлъ еще бить казакамъ. Писарь Волошинъ, избитый Филоновымъ „теперь (іюнь 1906) еще въ больницѣ въ Полтавѣ».—*Ур. Бокитько* (211—213): при немъ Фил. побилъ старосту Кирьяна, судью Панкова, и писаря Волошина (послѣдняго билъ счетами и канцел. книгами). Фил. посылалъ его разыскивать учительницу и, по словамъ казачьяго сотника, „хотѣлъ ее для примѣра сильно выпороть".—Учит. *Крапивина* (209): *Филоновъ* кричалъ въ волости: „подайте мнѣ эту бабу, я ее проучу".—*Терещенко* (177): Дениса Еокала 9 казаковъ били 3 раза; „я думалъ, его убьютъ".—*Свящ. Троцина* (188): Фил. избилъ старшину и писаря. Сходъ былъ поставленъ на колѣни (2 часа). Свидѣтель сталъ заступаться, доказывая, что старшина и писарь не виновны, а на сходѣ по большей части находятся люди, непричастные къ закрытію винной лавки. Тогда Филоновъ велѣлъ людямъ встать съ колѣнъ, и потомъ вновь поставилъ на колѣни и заставилъ извиняться передъ старшиной, за то, что онъ, Филоновъ, наказалъ его невинно, за людей. Сторожъ Галайдичъ разсказывалъ свидѣтелю, что у него въ хатѣ казаки 23 декабря избили его чахоточнаго сына солдата, вернувшагося раненымъ съ войны за то, что, будто бы, онъ не хочетъ идти на сходъ. *Бережной* (учит. мин. шк. 176). У избитаго Филоновымъ Панкова видѣлъ кровь на лицѣ.

усталъ, излагая только на бумагѣ всѣ беззаконныя истязанія и звѣрства, которымъ вы, подъ видомъ яко бы законныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, подвергали безъ разбора жителей Сорочинецъ, не стараясь даже уяснить себѣ, — причастны они, или не причастны къ трагедіи 19 декабря... А между тѣмъ, вы производили все это надъ живыми людьми, и мнѣ предстоитъ еще разсказать, какъ вы отправились на слѣдующій день для новыхъ подвиговъ въ Устивицу... А за вами, какъ за тріумфаторомъ, избитые, истерзанные, изстрадавшіеся, тащились ваши сорочинскіе плѣнники, которымъ мѣсто было только въ больницѣ...

«Такъ ѣхали вы въ Устивицу возстановлять силу закона...

«Въ дальнѣйшемъ я буду кратокъ.

«Что было въ Устивицѣ до вашего появленія? Тамъ не было ни бунта, ни ареста пристава, ни убійства исправника, ни столкновеній. Тамъ только жители постановили приговоръ о закрытіи монополіи и привели его въ исполненіе ранѣе полученія оффиціальнаго разрѣшенія. Замокъ на дверяхъ монополіи одинъ только свидѣтельствовалъ о томъ, что жители села рѣшили «самовольно» прекратить у себя пьянство *).

«Они сдѣлали это съ нарушеніемъ законныхъ формъ... Да, это правда. Ну, а вы, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, вы—чиновникъ и слуга закона! Сами вы соблюдали «законныя формы» при совершеніи вашего злого дѣла?

«Здѣсь я скажу только, что, мстя на этотъ разъ лишь за права казенной винной продажи, вы, прежде всего, избили старосту, съ котораго сорвали знакъ и бросили въ

*) Показ. свящ. А. А. Троцыны: жители еще въ октябрѣ ходатайствовали о закрытіи винной лавки. Когда пріѣзжалъ чин. Коноваловъ, они повторили просьбу, и онъ обѣщалъ ходатайствовать (л. 175).

снѣгъ. Затѣмъ вы поколотили писаря, котораго били не только руками, но изломали на немъ счеты, послѣ чего писарь не могъ уже составлять протоколовъ и писать приговоры. Тутъ же избитъ вами Діонисій Ив. Бакало, пришедшій въ правленіе за справками, котораго вы колотили по головѣ «исходящей книгой»... *). Жителей Устивицъ вы такъ же поставили въ снѣгъ на колѣни, такъ же казаки били ихъ нагайками и такъ же суду, если

*) Показанія: *старшины Луценко* (л. 209—211): Филоновъ началъ бить людей у чернаго входа въ волость... Досталъ откуда-то простую палку и началъ бить находившихся въ корридорѣ людей. Его (старшину) началъ бить сразу, сорвалъ знакъ, разбилъ губы и велѣлъ еще бить казакамъ. Писарь Волошинъ, избитый Филоновымъ „теперь (іюнь 1906) еще въ больницѣ въ Полтавѣ». — *Ур. Божитько* (211—213): при немъ Фил. побилъ старосту Кирьяна, судью Панкова, и писаря Волошина (послѣдняго билъ счетами и канцел. книгами). Фил. посылалъ его разыскивать учительницу и, по словалъ казачьяго сотника, „хотѣлъ ее для примѣра сильно выпороть".—Учит. *Крапивина* (209): *Филоновъ* кричалъ въ волости: „подайте мнѣ эту бабу, я ее проучу".—*Терещенко* (177): Дениса Еокала 9 казаковъ били 3 раза; „я думалъ, его убьютъ".—*Свящ. Троцина* (188): Фил. избилъ старшину и писаря. Сходъ былъ поставленъ на колѣни (2 часа). Свидѣтель сталъ заступаться, доказывая, что старшина и писарь не виновны, а на сходѣ по большей части находятся люди, непричастные къ закрытію винной лавки. Тогда Филоновъ велѣлъ людямъ встать съ колѣнъ, и потомъ вновь поставилъ на колѣни и заставилъ извиняться передъ старшиной, за то, что онъ, Филоновъ, наказалъ его невинно, за людей. Сторожъ Галайдичъ разсказывалъ свидѣтелю, что у него въ хатѣ казаки 23 декабря избили его чахоточнаго сына солдата, вернувшагося раненымъ съ войны за то, что, будто бы, онъ не хочетъ идти на сходъ. *Бережной* (учит. мин. шк. 176). У избитаго Филоновымъ Панкова видѣлъ кровь на лицѣ.

таковой состоится, предстоитъ рѣшить, правильны ли ужасающіе разсказы жителей объ изнасилованіяхъ, которымъ подвергали устивицкихъ женщинъ казаки, находившіеся въ вашемъ распоряженіи *)... Вы поймете, конечно, что имена жертвъ въ этихъ случаяхъ не такъ легко поддаются оглашенію.

«Толпу вы держали и здѣсь на колѣняхъ два часа, вымогая у нея, какъ и въ Сорочинцахъ, имена «зачинщиковъ» и требуя приговора о ссылкѣ непріятныхъ администраціи лицъ. Вы забыли при этомъ, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, что пытка отмѣнена еще Александромъ I, что тѣлесное наказаніе, *даже по суду*, отмѣнено для всѣхъ манифестомъ отъ 11 августа 1904 года, а приговоры, добытые подобными, явно преступными, пріемами, не имѣютъ ни малѣйшей силы...

«Я кончилъ. Теперь, г. статскій совѣтникъ Филоновъ, я буду ждать.

«Я буду ждать, что, если есть еще въ нашей странѣ хоть тѣнь правосудія, если у васъ, у вашихъ сослуживцевъ и у вашего начальства есть сознаніе профессіональной чести и долга, если есть у насъ обвинительныя камеры, суды и судьи, помнящіе, что такое законъ или судейская совѣсть, то кто-нибудь изъ насъ долженъ сѣсть на скамью подсудимыхъ и понести судебную кару. Вы или я.

«Вы, — такъ какъ вамъ гласно кинуто обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ служебному долгу, достоинству и чести, въ томъ, что вы, подъ видомъ слѣдственныхъ дѣйствій, внесли въ Сорочинцы и Устивицу не идею правосудія и законной власти, а только свирѣпую и беззаконную месть чиновничества за чиновника и за ослушаніе чиновникамъ.

---

*) *Кремянскій* (воспит. дух. уч.) л. 178: Мѣстная жительница, молодая, красивая женщина еле отдѣлалась отъ любезностей казаковъ, которые гонялись за нею, и такъ перепугалась, что нервно заболѣла.

«Месть даже не виновнымъ, — для ихъ установленія нужно было разслѣдованіе. Нѣтъ, вы принесли слѣпую и дикую грозу истязанія и насилія надъ людьми безъ разбора, въ томъ числѣ и надъ завѣдомо невинными!..

«А если вы можете отрицать это, то я охотно займу ваше мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и буду доказывать, что вы совершили больше, чѣмъ я здѣсь могъ изобразить моимъ слабымъ перомъ... Я докажу, что, называя васъ истязателемъ, насильникомъ и беззаконникомъ, я говорю лишь то, что непосредственно вытекаетъ изъ совершенныхъ вами дѣяній. Потому что вы, несомнѣнно, производили истязанія, насилія и беззаконія. Вы попирали всѣ законы, старые и новые, вы подрывали въ народѣ не только уже вѣру въ искренность и значеніе манифеста, но и самую идею закона и власти. А это значитъ, что вы и подобные вамъ толкаете народъ на путь отчаянія, насилія и мести.

«Я знаю: вы можете сослаться на то, что вы не одинъ, что дѣянія, подобныя вашимъ, можетъ быть, превосходившія ваши,—остаются у насъ безнаказанными...Это, г. статскій совѣтникъ Филоновъ,—пока печальная истина.

«Но это не оправданіе для васъ. Къ вамъ же я обращаюсь потому, что живу въ Полтавѣ, что она полна живыми образами вашихъ насилій, что до меня доносятся стоны и жалобы вашихъ жертвъ...

«А если и вы, какъ другіе вамъ подобные, останетесь безнаказаннымъ, если, избѣгнувъ всякаго суда по снисходительности начальства и безсилію закона, вы вмѣстѣ съ кокардой предпочтете носить клеймо этихъ тяжелыхъ публичныхъ обвиненій, то и тогда, я вѣрю, что это мое обращеніе не пройдетъ безслѣдно.

«Пусть страна видитъ, къ какому порядку, къ какой силѣ законовъ, къ какой отвѣтственности должностныхъ лицъ, къ какому огражденію правъ русскихъ гражданъ зовутъ ее два мѣсяца спустя послѣ манифеста 17-го октября».

IV.

Чего я добивался своимъ открытымъ письмомъ.

Прежде всего и всего важнѣе: правильно или неправильно я изложилъ факты?

Я нарочно воспроизвелъ выше текстъ своего письма, снабдивъ его подстрочными примѣчаніями изъ «дѣла», которое по справедливости можно было бы назвать «дѣломъ о сообщеніи *завѣдомо правильныхъ* свѣдѣній»... Всякій, кто далъ себѣ трудъ сличить текстъ съ примѣчаніями, можетъ видѣть, въ какой степени свидѣтельскія показанія колеблютъ или подтверждаютъ фактическую часть моего письма, и много ли выигрываетъ память Филонова отъ этихъ дополненій.

Уже однихъ показаній казачьихъ офицеровъ и урядниковъ достаточно, чтобы установить, что тысячная толпа, безъ разбора виновныхъ и невинныхъ, въ томъ числѣ старики и подростки, была поставлена на колѣни, въ снѣгъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ... На 3 часа (!), какъ говорятъ свидѣтели-казаки, на 4 или 5 часовъ, какъ утверждаютъ полицейскій урядникъ, сельскія власти, священники, частныя лица. Въ этой толпѣ огуломъ били людей, стоящихъ на колѣняхъ, но... не всѣхъ, а только евреевъ, поставленныхъ отдѣльно и позволившихъ себѣ роптать на это истязаніе. Арестованныхъ ранѣе избивали до неузнаваемости... Фило-

новъ, по показанію казаковъ, расправлялся собственноручно, вытаскивалъ изъ толпы, надѣлялъ тумаками; по словамъ священника,—ударами ноги онъ поднималъ тѣхъ, кто самъ не могъ подняться (такъ какъ на снѣгу коченѣли ноги!..) По показанію старосты, священника, другихъ свидѣтелей,—тотчасъ по пріѣздѣ въ Устивицу онъ досталъ откуда-то «простую палку» и кинулся бить ею людей, стоявшихъ у входа въ правленіе... Онъ кричалъ, чтобы ему подали «эту бабу», съ которой онъ намѣренъ расправиться... Рѣчь шла объ учительницѣ, которая, счастливо избѣгнувъ звѣрской расправы изступленнаго чиновника,—ни къ какому даже дознанію не привлекалась...

Таковы, между прочимъ, «маленькія дополненія», которыя внесло слѣдствіе, тянувшееся около года. Неточности, которыя теперь мнѣ приходится признать, состоятъ въ томъ, что у меня сказано, будто Маковецкая убита, а у Келеповой прострѣлены щеки, тогда какъ въ дѣйствительности убита Келепова, а ранена Маковецкая... Есть указанія на то, что Гарковенко раненъ не во дворѣ, а на площади... Били не всѣхъ, стоявшихъ на колѣняхъ, а только евреевъ, но за то «били поголовно» (показаніе Кіяшко). «Если кто падалъ, то били и лежачаго»,—какъ простодушно свидѣтельствуетъ одинъ изъ исполнителей, бомбандиръ Кожевниковъ *).

И подумать, что все это дѣлалось послѣ того, какъ «зачинщики» *были арестованы уже наканунѣ*,

*) Листъ дѣла 110.

безъ малѣйшаго съ чьей бы то стороны сопротивленія... Все это было извѣстно въ первые же дни высшей администраціи края изъ доклада земскаго начальника (г-на Данилевскаго), отъ священниковъ, нарочно пріѣзжавшихъ для этого къ губернатору, изъ газетъ... А суду—отъ почетнаго мирового судьи Лукьяновича, а затѣмъ изъ дознанія, произведеннаго товарищемъ прокурора на мѣстѣ...

И несмотря на все это, ст. совѣтнику Филонову было дозволено продолжать свои походы, послѣдствіемъ чего явилось новое кровавое избіеніе уже совершенно неповинныхъ жителей Кривой Руды!..

«Обращаясь къ тѣмъ частямъ письма Короленко,—говорится въ утвержденномъ окружнымъ судомъ заключеніи прокурора,—гдѣ изложена *чисто фактическая сторона событій съ момента столкновенія толпы съ казаками* (а только это, замѣчу отъ себя, и лежало въ компетенціи суда), *нельзя не признать ее въ общемъ соотвѣтствующей дѣйствительности.* Несомнѣнно, есть и въ этой части «ошибки и неточности», по выраженію свидѣтелей, но это всегда возможно при полной правдивости автора, когда приходится излагать событія, передаваемыя со словъ другихъ, да еще потерпѣвшихъ людей. Какъ выяснилось на предварительномъ слѣдствіи, *нѣкоторыя лица были убиты въ м. Сорочинцахъ далеко отъ волости* *),

*) Прибавимъ: долго спустя послѣ столкновенія у волостного правленія.

а сторожъ г. Малинки, Отрешко, ни въ чемъ неповинный, былъ убитъ дѣйствительно во дворѣ. Что касается «корреспонденціи изъ Устивицы», то *всѣ изложенные въ ней факты нашли себѣ полное подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи.* Не подтвердилось лишь сообщеніе о грабежахъ и насиліяхъ казаковъ надъ жителями, хотя по этому поводу въ м. Устивицы, какъ и въ мѣст. Сорочинцахъ ходили упорные слухи» *).

Итакъ, даже по признанію суда факты изложены правильно. Отсюда ясна первая цѣль, которую я преслѣдовалъ, печатая свое письмо:

Она состояла въ опроверженіи правды.

Далѣе. Авторъ «заключенія», утвержденнаго судомъ, какъ и авторы нѣкоторыхъ газетныхъ статей, находятъ, что писатель Короленко не достаточно ярко оттѣнилъ событія, предшествовавшія столкновенію 19 декабря, и что даже стиль писателя Короленко, въ первой части его письма тусклый и блѣдный, рѣзко отличается отъ слишкомъ яркаго стиля, которымъ онъ изображаетъ дѣйствія Филонова.. Правда, и г. прокуроръ, и члены окружнаго суда, утверждавшіе

*) Позволяю себѣ исправить „фактическую неточность", допущенную судомъ. Въ дѣлѣ есть показанія урядника, сельскихъ должностныхъ лицъ и священника, говорящихъ не только о *слухахъ*, но и о *прямыхъ заявленіяхъ потерпѣвшихъ*, а это не одно и то же. Урядникъ Бокитько, старшина Луценко и поч. миров. судья Лукьяновичъ говорятъ о начатомъ уже дознаніи и о составленныхъ спискахъ потерпѣвшихъ, уничтоженныхъ исправникомъ. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить, что слухи не подтвердились, а если не подтвердились, то—почему?

его заключеніе, высказываютъ справедливое соображеніе, что, во-первыхъ, «освѣщеніе событій не наказуемо» (иначе сказать не подлежитъ и судебной квалификаціи), и во вторыхъ, что оно «можетъ быть результатомъ просто точки зрѣнія автора».

Это послѣднее соображеніе совершенно вѣрно. У меня есть на всѣ эти событія своя точка зрѣнія, отчасти пожалуй совпадающая съ заявленіями, приложенными къ манифесту 17 октября. Съ этой точки зрѣнія,—«корни волненій, охватившихъ русскій народъ», лежатъ очень глубоко, и, чтобы говорить о нихъ съ достаточной полнотой, пришлось бы пожалуй подняться къ событіямъ гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ 17—18 декабря 1905 года. Но и помимо всякихъ «точекъ зрѣнія», суду не угодно было обратить вниманіе, что «разница стилей» и настроеній писателя въ данномъ случаѣ отражала только *вопіющую разницу положеній*...

Сорочинскіе жители за то, что произошло 19 декабря, понесли уже тяжкую кару, для очень многихъ далеко несоразмѣрную съ виной: 20 человѣкъ изъ нихъ было убито, при чемъ нѣкоторые, по признанію самого суда, убиты далеко отъ волости и совершенно безвинно. Другіе изранены и подверглись истязаніямъ, потому что стоять на колѣняхъ въ снѣгу, для иныхъ еще подъ ударами нагаекъ, хотя бы и 3 часа,— есть жестокое истязаніе. Наконецъ, третьи—и теперь, когда я пишу эти строки, ждутъ еще судебнаго воздаянія...

А ст. совѣтникъ Филоновъ въ то время, когда я,

взволнованный разсказами объ его дѣйствіяхъ, писалъ открытое письмо,—оставался на своемъ посту и отправился въ новыя экспедиціи.

Полагаю, что критики, болѣе компетентные въ вопросахъ стиля и настроенія,—увидятъ въ моемъ письмѣ естественное негодованіе противъ *безнаказанности* офиціальнаго лица, допустившаго массовыя истязанія, тогда какъ жители Сорочинецъ понесли наказаніе свыше всякой законной мѣры и готовы нести прибавочную кару уже по закону...

Отсюда—другая цѣль, которую я ясно выразилъ въ концѣ своего письма:

Я добивался суда и для другой стороны.

Была и третья. Она диктовалась надеждой, что громко сказанная правда способна еще *остановить разливающуюся все шире эпидемію жестокости.*

Наконецъ... Въ то время, когда я писалъ свое письмо, — въ моемъ воображеніи неотступно стояло представленіе объ этой сѣрой толпѣ, такъ рѣзко пережившей такія противоположныя настроенія. Еще недавно она была охвачена эпидемическимъ волненіемъ, загипнотизированная сильной волей одного, почти невѣдомаго ей человѣка... Черезъ два дня тѣ же люди стояли на колѣняхъ передъ другимъ человѣкомъ, окружившимъ ихъ войскомъ и пушками, загипнотизировавшимъ ихъ ужасомъ беззаконныхъ насилій.

Я хотѣлъ разсѣять этотъ гипнозъ, вызвать новое настроеніе, достойное будущихъ гражданъ обновляющейся страны. Голосъ печати, независимый и смѣлый,

долженъ былъ поднять этихъ людей съ колѣнъ и напомнить, что и у нихъ есть право, скрѣпленное обѣщаніями равенства передъ закономъ, котораго они должны добиваться сознательно и открыто.

Сдавленныя чувства людей, покорно стоящихъ на колѣняхъ въ снѣгу, подъ ударами нагаекъ и жерлами пушекъ,—плохая почва для «общественнаго спокойствія», не говоря уже о «новыхъ началахъ» и ихъ гарантіяхъ. Гораздо надежнѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія напоминаніе «о законѣ, суровомъ, но безпристрастномъ и справедливомъ, стоящемъ выше увлеченій и страстей данной минуты, строго осуждающемъ самосудъ толпы» *), но также устанавливающемъ равновѣсіе между виной и наказаніемъ и не допускающемъ мысли о безграничномъ произволѣ... однимъ словомъ о законѣ, какимъ онъ *долженъ быть*, къ которому *необходимо стремиться*.

И если бы дружнымъ усиліямъ независимой печати, лицъ изъ общества, подобныхъ мировому судьѣ Лукьяновичу, священникамъ, пріѣзжавшимъ къ губернатору и, наконецъ, самимъ потерпѣвшимъ, удалось вывести самонадѣяннаго чиновника изъ-за окоповъ «служебной гарантіи», если бы состоялся судъ и приговоръ, который бы сказалъ свое внушительное «Quos ego!» не одному Филонову, но и его многочисленнымъ подражателямъ, то это было бы законнымъ выходомъ изъ трагическаго положенія, первой еще фактической побѣдой новыхъ началъ на мѣстахъ,

*) Цитата изъ моего открытаго письма.

однимъ словомъ, это создавало бы въ дѣлѣ «карательныхъ экспедицій» то, что называютъ «прецедентомъ».

Вотъ для чего я рѣшился замѣнить безличныя корреспонденціи своимъ «открытымъ письмомъ», начинавшимъ планомѣрную кампанію. Какъ бы ни были слабы шансы успѣха, возможный всетаки результатъ былъ тѣмъ дороже, что онъ былъ бы достигнутъ на почвѣ борьбы вполнѣ закономѣрной, къ которой призывалось также и само населеніе.

И если бы это дѣйствительно удалось, если бы мы имѣли возможность огласить первые рѣшительные и твердые шаги въ этомъ направленіи администраціи и суда,—съ той самой поры та же независимая печать стремилась бы только укрѣпить довѣріе къ суду и вызывать ему всякое содѣйствіе... И тогда стиль писателя Короленко, своимъ спокойствіемъ и равномѣрностью удовлетворилъ бы, я увѣренъ, самыхъ взыскательныхъ критиковъ изъ среды полтавскихъ судей...

V.

Слабые проблески.

Была ли какая-нибудь надежда на то, что эта прямая и ясная цѣль моего письма будетъ достигнута?

Я знаю, какія улыбки вызоветъ мой отвѣтъ послѣ всего, что произошло, и послѣ того, какъ самъ я цѣлый годъ состоялъ подъ слѣдствіемъ и въ подозрѣніи за сообщеніе *завѣдомо правильныхъ свѣдѣній*... И тѣмъ не менѣе, я всетаки отвѣчу, что эта надежда не была лишена нѣкоторыхъ основаній.

Мое письмо было воспроизведено, частью цѣликомъ, частью въ значительныхъ выдержкахъ, на страницахъ многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Затѣмъ переводы и выдержки появились въ заграничной прессѣ. Я получалъ изъ за границы письма, съ просьбой о сообщеніи дальнѣйшихъ судебъ этого дѣла. Населеніе, въ свою очередь, шло навстрѣчу усиліямъ печати, и мнѣ предлагали сотни свидѣтельскихъ показаній на случай суда. Двѣ женщины, потерпѣвшія тяжкія оскорбленія, соглашались даже разсказать о своемъ несчастіи, если дѣйствительно состоится судъ надъ Филоновымъ или надо мною.

Тяжба между независимой печатью и произво-

ломъ была поставлена широко и всенародно. На глазахъ у всей страны были указаны факты вопіющаго беззаконія въ то самое время, когда она призывалась къ законности, и характеръ репрессіи явно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: уже въ Сорочинцахъ толпа стояла на колѣняхъ; въ Устивицѣ картина еще менѣе осложнялась незначительными волненіями и закрытіемъ винной лавки. Криворудскій погромъ не осложнялся уже ничѣмъ, и вопіющія стороны «карательныхъ пріемовъ» Филонова выступали не прикрытыя и беззащитныя передъ самымъ элементарнымъ правосудіемъ.

Къ тому же, я оставался на мѣстѣ, готовый поддерживать свое обвиненіе или отвѣчать за него. Такимъ образомъ, типичная картина усмиреній была поставлена, точно подъ стекляннымъ колпакомъ, на виду у русской и заграничной печати. Оставалось довести ее до конца, освѣщая весь ходъ этого дѣла и каждый шагъ правосудія.

Есть нѣкоторыя, косвенныя правда, указанія на то, что положеніе полтавской администраціи въ эти дни было очень затруднительно, и что въ ея средѣ существовали колебанія, пошатнувшія служебную неприкосновенность ст. сов. Филонова. Это я заключаю между прочимъ, изъ той позиціи, которую послѣ моего открытаго письма занялъ офиціозный органъ мѣстнаго чиновничества «Полтавскій Вѣстникъ» (редакторъ его, г. Иваненко, чиновникъ, совмѣщающій съ редактированіемъ «Вѣстника» также и должность редактора «Губернскихъ Вѣдомостей»).

И вотъ, въ одной изъ статей, появившейся спустя три дня послѣ моего письма, эта газета не рѣшается прямо опровергать, а только заподозриваетъ правильность фактовъ (которые, конечно, офиціозу были отлично извѣстны). Далѣе газета указываетъ на «наше время», когда «разные агитаторы заставляютъ толпу ходить съ красными флагами, пѣть безсмысленныя пѣсни, звѣрски мучить животныхъ (sic), пускаютъ по міру ни въ чемъ неповинныхъ людей», при чемъ «зарево пожаровъ освѣщаетъ путь озвѣрѣлой толпы». Еще далѣе идутъ не особенно тонкіе намеки на то, что именно писатель Короленко своей литературной дѣятельностью поощряетъ и вызываетъ всѣ эти ужасы, и наконецъ высказывается предположеніе, что «открытое письмо» вызвано ничѣмъ инымъ, какъ мученіями совѣсти, которая по всѣмъ этимъ причинамъ терзаетъ писателя Короленко.

Статья кончается слѣдующими строками, характерными на столбцахъ завѣдомаго офиціоза:

«Г. Короленко не прочь сѣсть на скамью подсудимыхъ, если на ней не сядетъ Филоновъ. Лучше всего, если сядутъ *оба рядомъ*,—писатель Короленко и статскій совѣтникъ Филоновъ—и свободно выскажутся одинъ противъ другого—можетъ быть тогда яснѣе станетъ, насколько каждый изъ нихъ праведникъ и насколько грѣшникъ... И окажутся *писатель и статскій совѣтникъ одной цѣны*» *).

То, что сказано о «писателѣ Короленко», разу-

*) «Полтавскій Вѣстникъ», 15 января 1906 г.

мѣется, никого удивить не можетъ. Но когда небольшой мѣстный чиновникъ рѣшается въ субсидируемой газетѣ поставить «старшаго совѣтника губернскаго правленія» на ряду съ такимъ жалкимъ субъектомъ, какъ писатель Короленко... когда онъ позволяетъ себѣ даже высказывать ужасное предположеніе, что старшій совѣтникъ губернскаго правленія *одной цѣны* съ авторомъ «открытаго письма» и достоинъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, то есть значительныя основанія думать, что положеніе старшаго совѣтника Филонова очень пошатнулось и что, значитъ, достиженіе той цѣли, которой я добивался своимъ письмомъ, становилось уже вѣроятнымъ. Я думаю и теперь, что статскій совѣтникъ Филоновъ, въ тѣ дни, когда г. Иваненко позволялъ себѣ ставить его на одну доску съ писателемъ Короленко, былъ, по крайней мѣрѣ, на распутьи между безнаказанностью и скамьей подсудимыхъ, пожалуй даже ближе къ послѣдней...

Къ сожалѣнію, это теперь остается въ области предположеній, которыя многими (не безъ видимыхъ основаній) считаются слишкомъ наивными въ нашихъ русскихъ условіяхъ. Объективные факты, видимые всѣмъ на поверхности жизни, говорили другое. Для преданія Филонова суду нужно было предварительное согласіе высшей администраціи. Но если бы начальство не одобряло его дѣйствій, то онъ не былъ бы посланъ во вторую экспедицію послѣ того, какъ сорочинская была разоблачена и гласно, и оффиціально...

Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, въ это время въ нашемъ краѣ находился генералъ-адъютантъ Пантелѣевъ, посланный для «водворенія порядка» въ губерніяхъ юго-западнаго края. 12-го января появилось мое письмо, а уже 14-го, по телеграммѣ этого генералъ-адъютанта, газета, которая разоблачила нынѣ доказанные факты изъ дѣятельности чиновника, была пріостановлена. Всѣ видѣли въ этомъ «административномъ воздѣйствіи» обычный и единственный отвѣтъ администраціи на оглашенія печати и на ея призывы къ правосудію...

Судъ хранилъ таинственное молчаніе... Передавали, такъ сказать, подъ рукой, что прокурорскій надзоръ производилъ какое-то негласное дознаніе, но не только его результаты, а и самый фактъ дознанія сохранялся въ строжайшемъ секретѣ, точно это не была обязательная и закономѣрная функція судебной власти, сопряженная съ открытымъ опросомъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей, а какое-то тончайшее дипломатическое предпріятіе, которое приходится скрывать самымъ тщательнымъ образомъ, точно развѣдки въ непріятельскомъ лагерѣ *).

Такимъ образомъ, на поверхности полтавской жизни оставалась старая картина: вопіющій произволъ чиновника... одностороннее вмѣшательство суда, направленное только на обывателей, уже потерпѣвшихъ свыше мѣры... Административное закрытіе га-

*) Интересно, что на мою просьбу,—пріобщить къ дѣлу переписку объ этомъ дознаніи, мнѣ было отвѣчено, что такой переписки... не было!

зеты... Безсиліе призывовъ къ правосудію и — нестерпимое зрѣлище безнаказанности вопіющихъ насилій.

При этихъ условіяхъ стремленіе независимой печати и писателя Короленко, взывавшихъ къ правосудію и надѣявшихся на него, могло, разумѣется, казаться совершенной наивностью.. И въ глубинѣ смятенной жизни, полной темноты и безправія, уже назрѣвало новое вмѣшательство, которому суждено было сразу устранить и гласную тяжбу, начатую независимой печатью, и таинственныя движенія робкаго правосудія, если они дѣйствительно были...

VI.

Убійство Филонова и его обстановка.

Раннимъ утромъ, 17 января, Филоновъ вернулся въ Полтаву съ трудной задачей,—оправдать свои дѣйствія, слава которыхъ теперь вышла далеко за предѣлы канцелярій и даже мѣстной печати. По свидѣтельству ст. совѣтника Ахшарумова (нынѣшняго замѣстителя Филонова), когда онъ явился къ губернатору, то послѣдній потребовалъ, чтобы онъ отвѣтилъ печатно на письмо Короленко *).

Свиданіе это было, вѣроятно, съ бытовой точки зрѣнія, очень интересно. Для начальства Филоновъ уже раньше «объяснилъ» свои дѣйствія. Несмотря на оффиціальныя сообщенія земскаго начальника, священниковъ, почетнаго мирового судьи—объясненіе это признано вполнѣ удовлетворительнымъ, и Филоновъ командированъ вторично. Отъ него требовали теперь объясненія печатнаго...

Что могъ онъ отвѣтить,—мы отчасти увидимъ ниже. Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что между Сорочинцами и этимъ свиданіемъ легло «новое обстоя-

*) Показаніе г. Ахшарумова, листъ дѣла 247.

тельство», въ видѣ разгрома уже явно неповинной Кривой Руды.

Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» было напечатано впослѣдствіи, что Филоновъ заходилъ въ этотъ день также въ редакцію этой газеты. Старшій совѣтникъ губернскаго правленія явился къ редактору, маленькому и зависимому чиновнику, еще недавно позволившему себѣ въ субсидируемой газеткѣ дерзко сравнить его съ писателемъ Короленко и высказать пожеланіе, чтобы они *сѣли рядомъ на скамью подсудимыхъ*... Старшій совѣтникъ Ахшарумовъ свидѣтельствуетъ, что Филоновъ «не обладалъ литературнымъ талантомъ»; очень вѣроятно поэтому, что онъ нуждался теперь въ просвѣщенныхъ совѣтахъ дерзкаго редактора... Здѣсь онъ сказалъ, что вечеръ этого дня и слѣдующее утро намѣренъ посвятить на составленіе (требуемаго губернаторомъ) отвѣта...

18-го декабря въ обычное время (10 часовъ утра) онъ отправился въ губернское правленіе и здѣсь, на людной улицѣ, неизвѣстный молодой человѣкъ убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и скрылся..

Сложное и запутанное положеніе, создавшееся изъ привычныхъ насилій, изъ ихъ поощренія, изъ широкой гласности, изъ начинавшихся колебаній въ средѣ администраціи, изъ слабыхъ признаковъ пробужденія правосудія, изъ «наивныхъ» призывовъ независимой печати,—разрѣшалось трагически просто... «Наивная» тяжба снималась съ арены. Передъ нами, вмѣсто противника, который долженъ былъ защищаться и которому мы приготовились отвѣчать но-

выми, еще болѣе вопіющими фактами,—лежалъ трупъ внезапно убитаго человѣка. Администраціи представился удобный случай сдѣлать изъ него, въ своихъ оффиціозахъ, мученика долга, а изъ писателя Короленко—«моральнаго подстрекателя къ убійству»...

Что насилія, подобныя насиліямъ въ Сорочинцахъ и Кривой Рудѣ, вызываютъ чувства остраго негодованія и возмущенія, это, конечно, несомнѣнно. Что оглашеніе ихъ въ печати распространяетъ эти чувства, это тоже вѣрно, какъ и то, что особенную остроту и силу этимъ аффектамъ придаетъ не самое оглашеніе, а сопровождающая все это обычная безнаказанность и безсиліе закона...

Однако, была ли въ данномъ случаѣ прямая связь между моимъ письмомъ и новымъ актомъ сорочинской трагедіи, разыгравшимся 18 января на Александровской улицѣ города Полтавы?

«Въ Полтавскомъ Вѣстникѣ», получающемъ свѣдѣнія о происшествіяхъ изъ непосредственныхъ полицейскихъ источниковъ, — самое убійство описано слѣдующимъ образомъ:

> «Покойный только наканунѣ (т. е. 17 января) возвратился изъ служебной командировки, чувствовалъ себя усталымъ, почти больнымъ, и предполагалъ нѣсколько дней не выходить изъ дому. Но вчера утромъ, *въ обычное время* *) отправился на службу. Шелъ *обычной дорогой* по Александровской улицѣ. Какъ говорятъ оче-

*) Курсивы мои. В. К.

видцы, за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шла какая-то женщина, по виду торговка, а за ней молодой человѣкъ. Поровнявшись съ открытыми воротами во дворъ Варшавскихъ **), молодой человѣкъ забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лицо Филонову... Затѣмъ онъ побѣжалъ во дворъ дома Варшавскихъ и скрылся» **).

А на другой день газета прибавила слѣдующія, довольно существенныя соображенія:

«Преступникъ, *видимо, изучилъ ранѣе дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*,—поджидалъ его вблизи воротъ дома В—скихъ, гдѣ помѣщается чиновничье собраніе, и, прогуливаясь тамъ, разсматривалъ магазинныя витрины ***)...

Дальше идетъ то же описаніе убійства, какое приведено выше. Въ книгѣ «Къ убійству Ф. В. Филонова», изданной родными покойнаго, воспроизведены газетныя извѣстія и статьи, вызванныя этой трагедіей, къ сожалѣнію, — съ слишкомъ тенденціознымъ подборомъ. Интересно, что, воспроизведя первую замѣтку, издатели совершенно обошли молчаніемъ вторую. И это понятно. Неизвѣстный убійца «*видимо ранѣе изучилъ дорогу, по которой Филоновъ имѣлъ обыкновеніе ходить на службу*»—и выбралъ мѣсто у проходнаго двора. Но Филонова не было въ Пол-

*) Этотъ дворъ проходной В. К.

**) „Полтавскій Вѣстникъ", 19 января 1906.

***) „Полт. Вѣстникъ", 20 января 1906 г., № 959. Въ книгѣ эта замѣтка *не воспроизведена*.

тавѣ въ то время, когда появилось мое письмо, и вплоть до 17 января онъ былъ въ командировкѣ, а на службу явился въ самое утро убійства... Итакъ, *изучить обычную дорогу*, взвѣсить всѣ ея удобства и неудобства можно было только во время, предшествовавшее появленію открытаго письма, въ тѣ дни, когда Филоновъ вернулся изъ командировки въ Сорочинцы и еще не уѣхалъ въ Кривую Руду.

А это значитъ, конечно, что убійство было взвѣшено и обдумано ранѣе, чѣмъ появилось мое письмо, и не могло явиться его послѣдствіемъ...

Эти соображенія, справедливость и огромная вѣроятность которыхъ била въ глаза, издатели упомянутой книги и сама редакція «Полтавскаго Вѣстника» сочли болѣе удобнымъ забыть на будущее время, когда противъ писателя Короленко былъ предпринятъ продолжительный клеветническій походъ, поддержанный чуть не всѣми оффиціозами провинціальной и столичной Россіи... Открытъ онъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» непосредственно послѣ появленія письма, но сначала неувѣренно. «Писатель Короленко» признавался только равнымъ ст. сов. Филонову, которому все же отводилось мѣсто *на скамьѣ подсудимыхъ*.

«За что убитъ Филоновъ,—спрашиваетъ «Полтавскій Вѣстникъ» еще 19-го января, — неужели за тѣ «преступленія», которыя указывались г. Короленко? Но вѣдь Короленко звалъ Филонова на судъ»...

Скоро, однако, всѣ эти оговорки исчезаютъ, Филоновъ безповоротно превращается въ «вѣрнаго цар-

скаго слугу» и «доблестнаго исполнителя долга», а писатель Короленко выставляется сознательнымъ подстрекателемъ и моральнымъ убійцей...

Все это закрѣпляется появленіемъ «посмертнаго письма ст. сов. Филонова».

VII.

«Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко».

Письмо это появилось при торжественной обстановкѣ, въ самый день похоронъ Филонова, подъ звонъ колоколовъ, когда его тѣло переносили изъ собора на кладбище, въ сопровожденіи войскъ, офиціальнаго персонала, сослуживцевъ, знакомыхъ и толпы народа.

Въ это самое время, то есть въ разгаръ разносторонняго возбужденія, вызваннаго быстро смѣнявшимися событіями, ходилъ по рукамъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ которомъ покойный чиновникъ обращался къ писателю съ рядомъ отвѣтныхъ обвиненій-упрековъ... Очевидно, и редакція «Полтавскаго Вѣстника», и ея непосредственные вдохновители, обвинявшіе писателя Короленко въ томъ, что его письмо имѣло значеніе подстрекательства, не особенно считались съ обстановкой, при которой сами они выпускали «Посмертный отвѣтъ».

Я указываю на это, лишь какъ на нѣкоторую непослѣдовательность. Важна, однако, не она, важно другое: *фактическая правильность* моихъ сообщеній

теперь поставлена внѣ сомнѣній... Посмотримъ, что представляло собой это отвѣтное письмо изъ-за могилы? Была ли это правда, которую, конечно, можно печатать при всякихъ обстоятельствахъ?

Черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», въ редакцію газеты «Полтавщина» явился одинъ изъ родственниковъ Филонова и выразилъ желаніе, даже требованіе, чтобы газета *во имя справедливости* перепечатала отвѣтъ Филонова на тѣхъ же столбцахъ, съ которыхъ раздались обвиненія. Редакторъ, Д. О. Ярошевичъ, отвѣтилъ на это готовностью помѣстить «письмо», выразивъ только желаніе видѣть оригиналъ, подписанный самимъ Филоновымъ, такъ какъ въ городѣ упорно говорили, что письмо подложное, и что составлено оно не умершимъ Филоновымъ, а его живыми единомышленниками и защитниками. Г. Ярошевичъ затѣмъ повторилъ это печатно.

Родственникъ г. Филонова обѣщалъ «поискать оригиналъ» и удалился.

Оригиналъ доставленъ не былъ.

Затѣмъ, когда возникло наше «дѣло» и я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то я просилъ, между прочимъ, о пріобщеніи этого оригинала, такъ какъ это единственное показаніе по настоящему дѣлу самого участника... Я считалъ поэтому необходимымъ *установить его подлинность* и при этомъ выразилъ увѣренность, что, если не редакція, то родственники покойнаго, безъ сомнѣнія, сохранили его *послѣднюю рукопись*.

По требованію судебнаго слѣдователя, редакція «Вѣстника» прислала рукопись, служившую для набора, и препроводительное письмо, подписанное г-жей Филоновой. Я просилъ подвергнуть эти документы оффиціальному осмотру, результаты котораго не явились для меня неожиданностью. Оказалось:

Во-первыхъ, что *письмо писано не рукой Филонова.*

Во-вторыхъ, что *подпись въ концѣ письма сдѣлана не Филоновымъ.*

Въ-третьихъ, что *всѣ имѣющіяся на рукописи поправки тоже сдѣланы не филоновскимъ почеркомъ* *)

И, наконецъ, въ-четвертыхъ, сослуживецъ и замѣститель Филонова, нынѣшній старшій совѣтникъ губ. правленія Л. И. Ахшарумовъ призналъ, что *форма изложенія тоже не филоновская,* «такъ какъ покойный не отличался литературными дарованіями **).

Обстоятельства, при которыхъ могло (или не могло) быть написано это письмо, тоже очень выразительны. Въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» по этому поводу есть двѣ замѣтки. Въ первой сообщается, что «Фи-

*) Одна изъ этихъ поправокъ особенно характерна. Письмо начинается словами: „Я *третьяго дня* вернулся въ Полтаву и прочелъ Ваше письмо"... Затѣмъ „третьяго дня" зачеркнуто и чьей-то рукой написано: „Я *только* что вернулся"... Филоновъ вернулся 17-го, убитъ 18-го. „Третьяго дня" онъ могъ бы написать только послѣ смерти...

**) Показаніе Л. И. Ахшарумова (л. д. 247). Г. Ахшарумовъ допускаетъ возможность чьей-либо предварительной тщательной редакціи, что невѣроятно въ короткій промежутокъ времени, прошедшій до убійства.

лоновъ былъ въ командировкѣ и не могъ отвѣтить на обвиненія Короленко. Вернулся онъ 17-го и въ разговорѣ съ знакомыми сообщилъ, что *вечеромъ въ тотъ же день займется составленіемъ отвѣта...* На другой день онъ былъ убитъ *).

Въ другой (редакціонной) статьѣ говорится: «Наканунѣ покойный, только возвратившись изъ поѣздки, на минуту забѣгалъ къ пишущему эти строки и говорилъ, что *вечеромъ этого дня и слѣдующій* онъ посвятитъ *исключительно* на отвѣтъ и защиту себя противъ обвиненій, какія въ его отсутствіи были брошены ему въ извѣстномъ письмѣ Короленко. *Но ему самому себя защитить не судилось*, — вчера онъ убитъ» **)...

Итакъ, «Полтавскій Вѣстникъ», напечатавшій письмо, въ которомъ не было ни одного слова (не исключая и подписи), написаннаго покойнымъ Филоновымъ, самъ даетъ два свидѣтельскихъ показанія, изъ которыхъ слѣдуетъ, что Филоновъ лишь собирался писать свой отвѣтъ, но *написать* его *не успѣлъ* (въ письмѣ около половины печатнаго листа).

Въ дополненіе мы имѣемъ еще показаніе вдовы покойнаго, которая утверждаетъ, наоборотъ, что черновикъ письма былъ написанъ ея мужемъ еще въ уѣздѣ и привезенъ готовымъ; затѣмъ письмо переписано начисто 17-го января т. е. уже въ самый день пріѣзда

*) См. книгу „Къ убійству Филонова", стр. 17.

**) „Полтавскій Вѣстникъ", 19 января 1905 г. Воспроизведено въ книгѣ „Къ убійству Филонова", стр. 17—18.

Филонова, и доставлено ея мужу однимъ изъ чиновниковъ губернскаго правленія. Однако, самый отвѣтъ Филонова начинается словами: «Я *только что вернулся изъ командировки и прочелъ Ваше письмо*»..

Далѣе старшій совѣтникъ губернскаго правленія Л. И. Ахшарумовъ, спрошенный слѣдователемъ, заявилъ категорически, что «въ числѣ чиновниковъ губернскаго правленія нѣтъ лицъ, пишущихъ такимъ почеркомъ», какимъ переписана рукопись... Самъ онъ въ первый разъ увидѣлъ «посмертный отвѣтъ» у слѣдователя... При этомъ оказалось однако, что препроводительное письмо въ редакцію «Полтавскаго Вѣстника» *написано рукою самого г-на Ахшарумова.* Обстоятельство это онъ объяснилъ тѣмъ, что «во время похоронъ Филонова» братъ его вдовы подошелъ къ нему и просилъ совѣта, отъ чьего имени послать въ редакцію «отвѣтное письмо». Г. Ахшарумовъ далъ совѣтъ и согласился написать черновикъ письма въ редакцію.

Вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе то обстоятельство, что въ день похоронъ «посмертное письмо» *уже было напечатано* .. И значитъ, о письмѣ г-нъ Ахшарумовъ несомнѣнно зналъ раньше...

Наконецъ, что касается отсутствія самого оригинала, то г-жа Филонова дала по этому поводу слѣдующее удивительное объясненіе, которое прибавляетъ послѣдній и самый замѣчательный штрихъ къ этой любопытной исторіи: «18-го января,—говоритъ она въ своемъ письменномъ показаніи,—мужъ мой отправился въ губернское правленіе, имѣя въ лѣвомъ карманѣ сюртука

записную книжку, въ которой были замѣтки по поводу сорочинскихъ событій, а также вышеупомянутые клочки бумаги и черновикъ письма.. Въ тотъ день онъ былъ убитъ, при чемъ *убійца захватилъ тетрадь книжку, а также черновикъ письма»*...

Я далекъ отъ того, чтобы строго осуждать бѣдную женщину за все, что «доброжелатели» научили ее дѣлать въ эти дни ея растерянности и горя. Я понимаю также, что чувства ея «къ писателю Короленко» были не таковы, чтобы удержать отъ неправдивыхъ показаній или хотя бы отъ явнаго злоупотребленія именемъ ея покойнаго мужа .. Читатель согласится однако, что появленіе «письма» при всѣхъ описанныхъ выше обстоятельствахъ болѣе чѣмъ странно, а подлинность его такъ же вѣроятна, какъ и то, что убійца, только что застрѣлившій человѣка среди бѣлаго дня, на людной улицѣ — заботится не о своемъ спасеніи, а о какихъ-то черновикахъ никому невѣдомаго «отвѣта», который, вдобавокъ, по показаніямъ «Полтавскаго Вѣстника», покойный еще только собирался писать... *)

Итакъ, документъ, которымъ полтавскій офиціозъ открывалъ кампанію противъ «писателя Короленко», я имѣю всѣ основанія считать завѣдомо *подложнымъ*... Все, что намъ извѣстно точно объ его происхожденіи, сводится къ тому, что въ немъ, не исключая и подписи, нѣтъ ни одного слова, написаннаго по-

*) Всѣ показанія о моментѣ убійства говорятъ, что молодой человѣкъ выстрѣлилъ и тотчасъ бросился бѣжать...

койнымъ, и что онъ присланъ въ редакцію вдовой, при препроводительномъ письмѣ, которое писано старшимъ совѣтникомъ губ. правленія г-мъ Ахшарумовымъ...

Послѣдній въ своемъ показаніи говоритъ, что полтавскій губернаторъ кн. Урусовъ, при свиданіи съ Филоновымъ въ день его пріѣзда потребовалъ, чтобы онъ отвѣтилъ на письмо Короленко...

«Самъ онъ этого сдѣлать не успѣлъ» (слова «Полтавскаго Вѣстника»). За него это сдѣлали другіе, не остановившіеся передъ очевиднымъ подлогомъ...

Это освобождаетъ меня отъ обязанности воспроизводить здѣсь цѣликомъ этотъ обширный продуктъ коллективнаго творчества невѣдомыхъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ нѣкоторый интересъ, уже не какъ отвѣтъ участника сорочинской драмы, а какъ отвѣтъ его среды, выступающей на защиту его образа дѣйствій и выставляющій массовыя истязанія, какъ доблестное исполненіе долга.

Что же представляетъ этотъ отвѣтъ по существу?..

Прежде всего въ немъ было бы совершенно напрасно искать опроверженіе приведенныхъ мною ужасающихъ фактовъ. Авторы «посмертнаго письма» ограничиваются заявленіемъ, что «девять десятыхъ приписываемыхъ Филонову «подвиговъ» ложно», и ложно между прочимъ, что въ Сорочинцахъ ко времени Филоновской экспедиціи уже не было бунта.

«Писатель Короленко!—говоритъ мнимый Филоновъ:—когда я пріѣхалъ въ Сорочинцы, тѣло «несчастнаго» Барабаша валялось въ грязномъ сараѣ. Неоднократныя мольбы родственниковъ о

выдачѣ тѣла успѣха не имѣли, ни одинъ изъ «мирныхъ» обывателей Сорочинецъ не хотѣлъ дѣлать гроба, а священники, боясь «справедливаго народнаго гнѣва», отказывались служить панихиду. И только благодаря моему воздѣйствію, подкрѣпленному казаками, удалось добиться, чтобы несчастной жертвѣ служебнаго долга былъ оказанъ послѣдній христіанскій долгъ. Изъ этого между прочимъ видно, насколько правдиво Ваше указаніе, что «въ то время въ Сорочинцахъ не было уже никакихъ признаковъ бунта»...

Не трудно видѣть, до какой степени дѣтски безпомощны, неосновательны и неправдивы эти возраженія. Изъ дѣла извѣстно, что Филоновъ съ отрядомъ прибылъ въ Сорочинцы 21 декабря, и въ ту же ночь были арестованы зачинщики... И не только арестованы, но и избиты такъ, что вполнѣ благонамѣренный старшина Копитько не могъ узнать ихъ, когда они были приведены въ правленіе.

Никто при этомъ никакого сопротивленія не оказалъ... А когда толпу согнали на площадь и приказали стать на колѣни, она покорно стояла 4 часа.

И это признаки бунта?

Жители не хотѣли дѣлать гроба... Но вѣдь всѣмъ жителямъ и не приказывали это дѣлать. Значитъ и этотъ изумительный признакъ бунта могъ относиться развѣ только къ плотникамъ. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, кто и къ кому обращался съ заказомъ. Гробъ всетаки сдѣланъ, и 22 де-

кабря утромъ тѣло проводили изъ села по Миргородской дорогѣ...

«*Тѣло валялось въ грязномъ сараѣ»,» во власти толпы, которая отказала яко бы выдать его, «несмотря на неоднократныя мольбы родственниковъ»*... Эта картина, заимствованная изъ донесенія самого Филонова, которымъ очевидно, пользовались составители письма, повторялась всѣми оффиціозами, стремившимися оттѣнить упорную преступность сорочинскихъ жителей и лживость писателя Короленко. По странному недоразумѣнію она частію приводится также и въ «заключеніи» прокурора.

Между тѣмъ все это совершенно невѣрно: сотникъ Щетихинъ со своими казаками отвезли раненаго Барабаша и сдали его въ больницу *). Никакая толпа послѣ этого имъ не овладѣвала и, если бы тѣло умершаго валялось въ грязномъ сараѣ, то это было бы не бунтомъ сорочинскихъ жителей, а только нерадѣніемъ больничнаго персонала.

Но этого не было. Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія подложнаго письма въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» сорочинскій врачъ, завѣдующій больницей, прислалъ опроверженіе, напечатанное 31 января въ той же газетѣ **). Въ опроверженіи этомъ говорится, что при больницѣ нѣтъ пока часовни, но тѣло Барабаша не валялось ни въ какомъ сараѣ, а было поставлено въ коморѣ (горницѣ), которая служитъ

*) Листъ дѣла 108.

**) „Полтавскій Вѣстникъ", 31 января 1907 г., № 968.

мертвецкой, и куда тѣло было вынесено вмѣстѣ съ кроватью и постелью..

Что касается родственниковъ, «умолявшихъ толпу», то совершенно очевидно, что къ толпѣ имъ обращаться не было ни малѣйшей надобности, такъ какъ тѣло не находилось въ ея власти. Въ дѣлѣ опять нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, къ кому именно и кто именно обращался съ мольбами. Есть показанія совершенно обратныя. Такъ, приставъ Якубовичъ (находившійся въ плѣну у толпы),—говоритъ, что, «по пріѣздѣ въ Миргородъ, онъ сообщилъ о происшедшемъ несчастіи женѣ покойнаго, которая такъ была убита горемъ, что не знала, что дѣлать, и *поручила ему распорядиться относительно доставленія тѣла въ Миргородъ*». Это и было исполнено 22 декабря...

Наконецъ, «*священники боялись служить панихиды*»... Если бы это было такъ, то опять возникаетъ вопросъ,—основательна ли была эта боязнь и виновно ли въ томъ тогдашнее настроеніе жителей или излишняя опасливость сорочинскихъ пастырей.

Въ дѣлѣ опять есть одно прямое показаніе, которое этому противорѣчитъ. Тотъ же приставъ Якубовичъ разсказываетъ, что въ день его ареста одинъ изъ сорочинскихъ священниковъ, о. Владиміръ Греченко, смѣло вошелъ въ средину возбужденной толпы съ крестомъ въ рукѣ, «убѣждая ее не приводить въ исполненіе преступнаго намѣренія и предупреждая объ отвѣтственности»... (Тотъ же священникъ далъ впослѣдствіи правдивыя показанія о дѣйствіяхъ Филонова). Можно ли повѣрить, что этотъ человѣкъ,

не боявшійся уговаривать толпу въ дни наибольшаго ея возбужденія, отказалъ бы въ панихидѣ надъ тѣломъ, лежавшимъ въ больницѣ, если бы его о томъ попросили... Нужно ли прибавлять, что въ дѣлѣ нѣтъ опять таки указаній—кто просилъ объ этомъ и кто въ этомъ отказывалъ...

Урядникъ Копитько говоритъ опредѣленно, что «*на слѣдующій день* (20-го декабря) *все было спокойно*»... И если всѣ эти признаки, за которые хватаются авторы подложнаго письма въ оправданіе явныхъ беззаконій,—говорятъ о чемъ-нибудь, то развѣ о томъ, какъ легкомысленно извѣстная среда устанавливаетъ порой «признаки бунта» и какъ тяжко приходится расплачиваться за это преступное легкомысліе.

Чтобы дать понятіе объ общемъ характерѣ «посмертнаго отвѣта» я приведу еще его начало:

> «Г. писатель Короленко! Я только что вернулся изъ командировки и прочелъ ваше открытое письмо... Сначала я не хотѣлъ отвѣчать на него. Къ чему? Мы слишкомъ разно смотримъ на вещи... Вы ненавидите всякую законную власть, презираете правительство, я—агентъ этой правительственной власти. Можете ли вы, поэтому, честно и безпристрастно отнестись къ этой власти? Конечно, нѣтъ. Я недавно прочелъ (гдѣ?) заявленіе «убѣжденнаго журналиста» (кого именно?) изъ вашихъ единомышленниковъ (?)... Онъ говоритъ: «Уважающій себя писатель не имѣетъ права теперь говорить правду». По крайней мѣрѣ

откровенно... Но въ такомъ случаѣ, какую цѣну можетъ имѣть Ваше письмо?..»

Таково начало посмертнаго отвѣта. Оно даетъ полное представленіе о тонѣ, какимъ написано все «письмо» и объ его полемическихъ пріемахъ... На обвиненія, поставленныя точно, ясно, съ указаніемъ именъ и фактовъ, съ призывомъ къ суду,—невѣдомые защитники отвѣчаютъ, будто Филоновъ недавно прочелъ, неизвѣстно гдѣ, заявленіе невѣдомаго журналиста, по невѣдомымъ причинамъ признаваемаго за единомышленника Короленко... Этотъ журналистъ будто-бы не рекомендуетъ вообще говорить правду. Значитъ,—и Короленко говоритъ неправду въ своемъ письмѣ...

Таково это возраженіе чиновника писателю, вѣрнѣе,—таковъ отвѣтъ извѣстной среды на вызовъ независимой печати.

Фактическая часть этого отвѣта—явная неправда!

Публицистическая—наивнѣйшая инсинуація..

Нравственная—подлогъ отъ имени мертваго собрата!..

. . . . . .

VIII.

Отвѣтъ клеветникамъ.

Продолженіе соотвѣтствовало началу. Подложное письмо дало тонъ печати извѣстнаго лагеря. За «Полтавскимъ Вѣстникомъ» отозвался «Кіевлянинъ». За нимъ «Русская Правда» (издатель—бывшій земскій дѣятель г. Квитка!), «Черниговскія Губернскія Вѣдомости», какая-то орловская газетка, помѣстившая «некрологъ писателя Короленко», написанный врачомъ Петровымъ, «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», «Новое Время»... Цѣлый рядъ явно и тайно черносотенныхъ изданій въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ на разные лады комментировали и извращали факты...

Наконецъ, даже высоко-оффиціозный органъ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина счелъ достойнымъ своей оффиціозной роли, не дожидаясь постановленія суда, украсить свои столбцы безоглядным утвержденіемъ, будто «травля Филонова, произведенная г. Короленко, имѣла прямой цѣлью убійство даннаго лица» *).

*) „Россія". Цитирую изъ „Русск. Вѣд.", 16 сент. 1906 г., № 228.

Эта выходка оффиціоза, вѣроятно не имѣющая примѣровъ во всей оффиціозной печати всѣхъ европейскихъ странъ,—явилась, разумѣется, достойнымъ завершеніемъ кампаніи, начатой подложнымъ письмомъ на столбцахъ скромной Полтавской рептиліи. Послѣ этого оставалось только повторить ее въ новорожденной россійской палатѣ... И дѣйствительно, клевета вползла, наконецъ, и на парламентскую трибуну...

12 марта 1907 года, въ государственной думѣ, во время обсужденія законопроекта о военнополевыхъ судахъ, депутатъ отъ Волынской губерніи, г. Шульгинъ, выразилъ пожеланіе, чтобы казнямъ подвергались «не тѣ несчастные сумасшедшіе маніаки, которыхъ посылаютъ на убійство другія лица, а тѣ, которые ихъ послали, интеллектуальные убійцы, подстрекатели, умственныя силы революціи, которые пишутъ и говорятъ передъ нами открыто... Если будутъ попадать такіе люди, какъ извѣстные у насъ писатели убійцы...

«*Голосъ:* Крушеванъ?

«*Деп. Шульгинъ.* Нѣтъ, не Крушеванъ, а гуманный и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко, убійца Филонова!

«*Голоса:* Довольно! вонъ!

«*Предсѣдатель:* Прошу не касаться личностей, а говорить о вопросѣ.

«*Шульгинъ:* Слушаюсь».

Этотъ эпизодъ я заимствую буквально изъ стенографическаго отчета. Въ то время, когда г. Шульгинъ стоялъ на трибунѣ государственной думы и передъ

собраніемъ депутатовъ беззаботно кидалъ обвиненія, всю тяжесть которыхъ, очевидно, не способенъ понять,—телеграммы уже сообщили, что дѣло писателя Короленко и редактора Ярошевича направлено къ прекращенію, такъ какъ факты, ими изложенные, подтвердились...

Когда-то Людовикъ XIV потребовалъ объясненія у одного изъ своихъ генераловъ, который проигралъ битву, потому что не пустилъ своевременно въ дѣло артиллерію.

— Государь,—отвѣтилъ генералъ,—у меня есть тысяча причинъ. Первая: отсутствіе пороху...

— Довольно,—отвѣтилъ король,—докажите наличность этой одной, можно не излагать остальныхъ.

Я отвѣчаю то же достойному хору моихъ обвинителей: у меня было много причинъ написать мое письмо, но для всякаго непредубѣжденнаго человѣка достаточно одной: покойный Филоновъ дѣйствительно совершилъ тѣ ужасающія насилія, молчать о которыхъ было бы преступленіемъ со стороны печати... И наличность этой причины я доказалъ.

Правда, наше время—ужасное время, когда каждое слово падаетъ, какъ искра, въ умы возбужденные всѣмъ, что совершается кругомъ, среди грохота и шума тяжело перестраивающейся жизни. Однако,—слѣдуетъ ли изъ этого, что печать должна замалчивать факты беззаконій и насилія?

Гг. правые, называющіе себя приверженцами закона, правды и порядка, осуждающіе «моральное под-

стрекательство печати!» Оглянитесь на ваши собственныя дѣйствія.

Вотъ вы на столбцахъ офиціозныхъ органовъ продолжаете кампанію, начатую подлогомъ, и съ высоты парламентской трибуны считаете возможнымъ заявлять, что писатель Короленко—сознательный подстрекатель и убійца!

Думаете ли вы о томъ, что вѣдь и ваши слова падаютъ, какъ искра, въ возбужденные умы вашихъ приверженцевъ?

Вы скажете, конечно, что считаете себя въ правѣ не принимать этого въ соображеніе. Вы просто указываете на то, что, по вашему, сдѣлалъ писатель, и не вы виноваты, если это кого-нибудь возмущаетъ.

Справедливо. Но тогда не имѣлъ ли и писатель Короленко такое же право сказать свое мнѣніе о дѣйствіяхъ чиновника, истязавшаго безъ разбора тысячную толпу, стоявшую передъ нимъ на колѣняхъ?

Нѣтъ, не оглашеніе такихъ фактовъ, а самые факты мучатъ, терзаютъ, доводятъ до отчаянія, обезцѣниваютъ жизнь, отравляютъ чуткія совѣсти сознаніемъ безправія, побуждаютъ къ этому ужасному самопожертвованію и самосудамъ. И если бы еще печать замолчала, то жизнь была бы отдана всецѣло во власть стихійныхъ страстей и ихъ необузданной ярости. Тогда, среди мрачнаго молчанія, раздавались бы только выстрѣлы съ одной и другой стороны, какъ это мы уже видимъ въ Лодзи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа...

Нѣтъ, выходъ не въ молчаніи, а въ правдѣ. Я до-

сказалъ, что говорилъ правду, не выдумывая и не искажая фактовъ и освѣщая ихъ по своему разумѣнію и совѣсти.

А вы, прибѣгающіе къ клеветѣ въ защиту насилія... можете ли вы доказать то, что говорите? И понимаете ли вы все значеніе вами сказаннаго?

Писатель, который, открыто взывая къ гласности и суду, въ дѣйствительности стремился бы только подстрекнуть другого на убійство,—совершилъ бы величайшую низость, какую только возможно совершить при помощи пера и печатнаго станка...

Но если такъ (а это несомнѣнно такъ!), то каковъ же долженъ быть нравственный и культурный уровень среды, для которой возможны обвиненія въ такой низости безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ того, что писатель сказалъ суровую правду о насиліяхъ, совершенныхъ чиновникомъ.

И при томъ обвиненія, раздающіяся со столбцовъ высоко-оффиціозныхъ органовъ конституціоннаго министерства и съ парламентской трибуны!

. . . . . .

IX.

Заключеніе.

Много еще можно-бы сказать по этому предмету, но—на этотъ разъ я кончаю.

Не для г. Шульгина и не для «оффиціозной министерской газеты», а для людей, способныхъ искренно и честно вдуматься въ современное положеніе, я хочу закончить эти очерки небольшимъ эпизодомъ.

На второй день послѣ убійства Филонова ко мнѣ прямо изъ земскаго собранія явился крестьянинъ, мнѣ незнакомый, и съ большимъ участіемъ сообщилъ, что онъ случайно слышалъ въ собраніи разговоръ какого-то чиновника съ кучкой гласныхъ. Чиновникъ сообщалъ, будто состоялось уже постановленіе объ арестѣ писателя Короленко. И мой незнакомый посѣтитель пришелъ, чтобы предупредить меня объ этомъ.

Я поблагодарилъ его и затѣмъ спросилъ:

— Послушайте, скажите мнѣ правду. Неужели и вы и ваши думаете, что я дѣйствительно хотѣлъ убійства, когда писалъ свое открытое письмо?

Онъ уже прощался и, задержавъ мою руку въ своей мозолистой рукѣ и глядя мнѣ прямо въ глаза, отвѣтилъ съ тронувшимъ меня деликатнымъ участіемъ:

— Я знаю... и много нашихъ знаетъ, что вы добивались суда. А прочіе думаютъ разно... Но...

Онъ еще глубже заглянулъ мнѣ въ глаза и прибавилъ:

— И тѣ говорятъ спасибо.

Впослѣдствіи не въ однихъ Сорочинцахъ при разговорахъ съ крестьянами объ этихъ событіяхъ мнѣ приходилось встрѣчать выраженіе угрюмой радости...

— Ничего,—говорилъ мнѣ молодой крестьянинъ, у котораго еще лѣтомъ болѣли распухшія отъ ревматизма ноги.—У меня ноги не ходятъ, а *онъ* не глядитъ на божій свѣтъ...

Таковъ результатъ двухъ факторовъ: стоянія на колѣняхъ и вызваннаго этимъ чувства мести за безнаказанныя насилія...

Но это не то дѣло, которое начато было въ Полтавѣ независимой печатью. Мы вызывали эту толпу, еще недавно стоявшую на колѣняхъ, къ дѣятельному, упорному, сознательному и смѣлому отстаиванію своего права *прежде всего* законными средствами. Она слишкомъ скоро получила удовлетвореніе иное, болѣе сильное и трагически мрачное...

Мы потерпѣли неудачу. И я, быть можетъ, болѣе искренно, чѣмъ многіе сослуживцы покойнаго Филонова, былъ огорченъ его смертью. Не изъ личнаго сочувствія,—послѣ всего изложеннаго я считалъ его человѣкомъ очень дурнымъ и жестокимъ... И не потому, что для меня съ этой смертію былъ связанъ рядъ волненій и опасностей, что за ней послѣдовалъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я былъ мишенью без-

численныхъ клеветъ, оскорбленій и угрозъ... Не потому, наконецъ, что эта кампанія, начавшись подложнымъ письмомъ въ Полтавѣ, перешла на столбцы правительственнаго органа и на парламентскую трибуну...

А потому, что выстрѣлъ, погубившій Филонова, разрушилъ также то дѣло, которое было начато независимой печатью, которое я считалъ и считаю важнымъ и нужнымъ... Такъ какъ, сколько бы ни предстояло еще потрясеній и испытаній нашей родинѣ на пути ея тяжкаго обновленія и какіе бы пути ни вели къ этой цѣли, — всетаки окончательный выходъ изъ смятенія лежитъ въ той сторонѣ, гдѣ свѣтитъ законность и право, для всѣхъ равное:— и для избитаго на сорочинской площади человѣка въ сермягѣ, и для чиновника въ мундирѣ, для рабочаго одинаково, какъ и для министра... И эту дорогу нужно искать всюду, гдѣ еще возможно, и когда возможно, какъ бы она ни загораживалась старыми привычками и властными интересами, какъ бы ни перепутывалась съ другими тропами, какъ бы ни терялась среди царящаго мрака и беззаконій...

Въ дѣлѣ Филонова независимая печать звала именно на этотъ путь, оглашая правду о Сорочинской и другихъ подобныхъ трагедіяхъ. Взывая къ суду, она исполнила свою обязанность, но осталась одинокой... Если бы другіе закономѣрные факторы жизни исполняли также свой долгъ въ эти критическіе дни, послѣ обѣщаній манифеста, то правда, которую такъ поздно пришлось подтвердить и суду,—не была бы отравлена

сознаніемъ одиночества и безсилія такихъ призывовъ... Тогда не было бы и Сорочинской трагедіи... Не было бы, вѣроятно, и набата, и массоваго гипноза, и убійства Барабаша, и карательныхъ экспедицій, когда, какъ въ Кривой Рудѣ, «въ безлунныя темныя ночи» люди рубятъ людей безъ смысла, безъ вины и безъ цѣли...

Не было бы навѣрное и выстрѣла 18 января, не было бы надобности и русскимъ писателямъ выступать съ «открытыми письмами» къ ст. совѣтникамъ и съ тяжелыми очерками, какими я въ настоящее время терзаю читателей.

Кто же виноватъ, что этими мотивами переполнилась вся наша жизнь на зарѣ начинающагося обновленія...

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAR 2 5 2004
JAN 0 2 2004

DK
264
P6

DK 264.2 .P6 K6
Sorochinskaia tragedila
Stanford University Libraries
3 6105 041 527 172

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

APR 1 8 1972